СЕРГЕЙ ГЛЕЗЕРОВ
ВОКРУГ
Заметки наблюдателя
ПЕТЕРБУРГА
УДИВИТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ОКРЕСТНОСТЯМ

Сергей Евгеньевич Глезеров

Вокруг Петербурга. Заметки наблюдателя

Серия «Всё о Санкт-Петербурге»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6088911
Глезеров С.Е. Вокруг Петербурга. Заметки наблюдателя: Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04398-6

Аннотация

Перед нами новая работа известного журналиста, знатока истории Санкт-Петербурга Сергея Евгеньевича Глезерова. Книга состоит из двух равновеликих частей – «дел минувших» и «дел сегодняшних». В первой части – все, что относится к истории дореволюционной, а также к лихой поре 20-х и 30-х годов XX века. Во второй части – информация, касающаяся современности, она является результатом журналистской деятельности автора в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» и «Вести». Вы узнаете много любопытных и неожиданных фактов из истории города на Неве и сможете прикоснуться к жизни людей, живших здесь когда-то и живущих поныне.

Содержание

Предисловие 4
Дела минувшие 8
Архивные редкости 8
«Да жаль, проезда нет подчас»… 8
Дом терпимости на берегу канала 11
«Полный беспорядок и нарушение всех требований» 15
«Пострадавшие от злоумышленных покушений» 19
«Нежелательные элементы» 24
«Крамольная» лекция 26
«Люди с ружьем» 29
Что можно и нельзя городовому 31
«Полицейский чин обязан обладать…» 33
Борьба за нравственность 36
Как спасали Рюрикову крепость 40
«Золотое дно археологии» 48
«Жизнь привольная, дачи дешевы, продукты тоже» 58
Скульптурный конвейер 58
На волховских порогах 65
Куда податься на дачу? 68
«Лежу на шелке зеленом пашен…» 73
«Взгляни на Юкки и живи!» 76
Староладожские заботы князя Шаховского 78
«Положительно дивный уголок» 81
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Сергей Евгеньевич Глезеров
Вокруг Петербурга.
Заметки наблюдателя

Предисловие

Удивительно многообразен край, окружающий Петербург! На его землях обнаружены следы почти всех времен, начиная от доисторических, эпох Великой Римской империи и Древней Руси.

О том, что Старая Ладога, прежняя Ладога, – это первый стольный град Древней Руси, уже давно известно. И 1250-летие Старой Ладоги, отмеченное в 2003 году, было вычислено не по летописям, а путем точного научного анализа. Самая древняя находка из исследованных радиологическим анализом бревен староладожских построек, найденных археологами, относится как раз к 753 году. Эта дата никем не оспорена.

Любопытно и то, что на раскопках в Старой Ладоге археологи встречают предметы как отечественного, так и «импортного» производства, причем многие отечественные вещи сделаны с таким высоким качеством мастерства, что ничуть не уступают своим скандинавским аналогам.

«Не надо представлять наших предков в виде неграмотных, диких варваров, обутых в лапти, – кстати, в той же Ладоге была распространена кожаная обувь, это доказали наши раскопки, – считает доктор исторических наук, бессменный руководитель Староладожской археологической экспедиции Анатолий Николаевич Кирпичников. – По нашим данным, ладожане были универсальными людьми – мастерами и купцами одновременно. Это был активный слой энергичных горожан. Мы чувствуем по этим раскопкам, что горожане были сообществом вольных мастеров, а Ладога – своеобразным вольным городом. И сельские жители тоже владели навыками ремесленного мастерства, а вовсе не были угнетенными пахарями – об этом тоже свидетельствуют раскопки».

Старая Ладога – настоящий кладезь, поистине неисчерпаемый. Как отмечает Анатолий Кирпичников, здесь сосредоточены фундаментальные ценности отечественной и мировой истории и культуры.

«Как бы много ни было сделано специалистами по открытию и сохранению исторических богатств Старой Ладоги, они и теперь, по образному выражению Николая Рериха, словно неотпитая чаша, – говорит Анатолий Николаевич. – Еще многие поколения будут восхищаться ее великим культурным наследием, как уже открытым, так и еще неизведанным».

Но не только Старая Ладога повествует нам о древностях нашего края. Манят исследователей курганы и городища, места былых битв и сражений. А может быть, история северо-западных земель еще глубже уходит в даль веков?

Настоящей сенсацией стала находка в Тосненском районе бронзовой шпоры, относящейся к эпохе Римской империи и Великого переселения народов. Ее обнаружили совершенно случайно осенью 2012 года при проведении поисковых работ на местах боев Великой Отечественной войны. Артефакт передали в Тосненский краеведческий музей.

Эксперты засвидетельствовали, что находка имеет большое научное значение. Археологи, изучающие южное Приневье, констатировали, что до настоящего времени в этой части Ленинградской области не было известно ни одного предмета, датирующегося римской эпохой. Впрочем, находка явилась «ожидаемым сюрпризом» для ученых, поскольку она запол-

нила собой белое пятно на археологической карте Ленобласти между Ижорским плато, Полужьем и Поволховьем, где памятники римской эпохи стали открываться в последние десятилетия…

Одним словом, наш край, тот, что на многие десятки верст распростерся вокруг Петербурга, – настоящая энциклопедия русской жизни, истории России, российской государственности. Это многовековая история взаимоотношения народов. Ведь не с Петра началась история приневских земель. Слова о «пустынных волнах», на берегах которых стоял Петр Великий, – не более чем красивая поэтическая метафора.

«Только когда мы знаем, какая культура стоит за нами, мы более правильно себя ведем, – уверена директор Центра коренных народов Ленинградской области[1] этнограф Ольга Конькова. – Ощущение того, что за тобой стоит великое прошлое твоих предков, реально меняет жизнь, заставляет человека с большей ответственностью относиться к своим поступкам. Не случайно поэтому сегодня в школах занимаются родословными: это очень положительным образом влияет на психологию ребенка. Приобщение сегодняшних жителей Ленинградской области к культуре коренных народов, внедрение мысли о том, что прошлое народов, которые здесь жили, велико и прекрасно, способно реально менять психологию людей.

Даже если мы не имеем кровного отношения к тем коренным народам, все равно – это наша земля, это родина наших детей. И не знать ее истории, думать, как некоторые, что история началась здесь с Петра I, это обрезание крыльев за спиной»…

Впрочем, конечно, история последних веков для нас гораздо ближе и понятнее, чем далекой древности. Особенно притягивает эпоха рубежа XIX–XX веков, которой уделено немалое место в этой книге. Исторические аналогии и параллели так и напрашиваются сами.

Чем мы отличаемся от наших недавних предков, чем они отличались от нас? В чем были наивны они, в чем нам стоит поучиться у них? И почему они не смогли сберечь свой мир, почему практически все, что годами, десятилетиями созидали они вокруг себя, сгинуло в считанные годы революции и Гражданской войны? Была ли их в этом вина или таков был неумолимый ход истории? И кто распоряжался этим ходом истории? Было ли предопределено то, что случилось с Россией в XX веке? И почему не удался глобальный эксперимент послереволюционных лет по построению новой жизни?

Все эти вопросы сразу же встают, как только погружаешься в тот мир, одновременно и похожий, и непохожий на наш.

Для примера – характерный взгляд современника на близкую ему действительность. На протяжении летних месяцев 1913 года в газете «Вечернее время» регулярно печатались путевые заметки петербургского спортсмена-автомобилиста Лаврецкого, в которых он подробно рассказывал о своем путешествии на «моторе» из Петербурга в Германию. Во всех мельчайших деталях и подробностях описывал он свои впечатления, курьезы и недоразумения, в которые приходилось попадать. Сегодня читать эти путевые заметки очень любопытно, замечая, что изменилось, а что осталось неизменным.

Старт автопутешествия Лаврецкого был дан поздним вечером одного из июльских дней 1913 года. В Петербурге царствовали белые ночи, и все окутывал загадочный полусумрак. «Несколько взволнованный шофер, какая-то женщина, которая пришла его провожать, были на углу Владимирского и Невского, – сообщал Лаврецкий. – Потом загудела наша труба, распугивая извозчиков, и мы поехали». Московские ворота «проглотили автомобиль и выбросили нас». Машина устремилась к Гатчине по шоссе, которое Лаврецкий оценил как «сравнительно хорошее».

[1] Следует иметь в виду, что нынешняя Ленинградская область не совпадает в границах с прежней Петербургской губернией. В этой книге речь идет о местах не только Петербургской, но и Выборгской и Новгородской губерний.

«Гатчина приплыла к нам сначала гимназистами и барышнями, а потом прелестный обелиск указал нам скорейший путь на Лугу», – описывал путь Лаврецкий. Под Лугой случился первый курьез: подъезжая к городу, путешественники решили уточнить, сколько им еще ехать. Навстречу им попались два мужичка: один пьяный, другой трезвый. Пьяный ответил: «Верст двенадцать будет», а трезвый сообщил, что уже верст восемь, как проехали поворот на Лугу. Путешественники не поверили пьяному, а зря: дорогу, в отличие от трезвого, он указал правильно. Покружившись по шоссе, путники выехали на то же самое место, где беседовали с пьяным и трезвым и, вняв теперь совету пьяного, двинулись по верной дороге.

Шоссе через Лугу оказалось отвратительным, хотя и называлось «городским». За Лугой живописные пригорки снова уступили место скучной «припетербургской» равнине. К утру путешественники добрались до Пскова и сразу же бросились в гостиницу. «Сонный официант, сонная гостиница, сонная улица раннего воскресного утра, – говорилось в путевых заметках. – Забота о бензине и масле, поездка на вокзал, где нет путеводителей по Пскову, короткий завтрак, автомобиль уже приятно шумит, и мы готовы».

После Пскова начались неприятности. Сначала прокололи шину, а потом налетели на колдобину и сломали рессору. «Наш шофер, орловский крестьянин, недолго находится в припадке отчаяния: он находит кусочек дерева, подкладывает ключ под сломанную рессору, перевязывает все это веревками, и мы неуверенно двигаемся дальше, – писал Лаврецкий. – К счастью, по дороге попадается уже к вечеру деревушка, где мы с помощью симпатичного эстонца подворачиваем деревяшку и, купив у него вожжи, крепко затягиваем больную рессору»…

Только за пограничным шлагбаумом, на немецкой стороне, пошла гладкая дорога, без всякой тряски. Затем автопутешествие продолжилось в Германии и затянулось на несколько недель. Прошло оно без волнений и приключений.

И вот прошло всего каких-то полтора десятка лет, и все переменилось. Отныне путешествовать просто так было неправильно: туризм должен быть обязательно пролетарским. Председатель Общества пролетарского туризма, один из пламенных «бойцов революции», крупный деятель партии и государства, прокурор РСФСР, один из организаторов первых показательных процессов против «врагов народа» Николай Крыленко, к туризму подходил с четких классовых позиций: «Пролетарский туризм для нас прежде всего есть один из методов социалистического строительства»…

Куда же отправиться в путешествие? На этот вопрос мог ответить специальный справочник «Куда ехать туристу», изданный в Ленинграде в 1929 году в серии библиотеки журнала «Юный Пролетарий». Речь шла об активном туризме – пешеходном, велосипедном, лодочном, альпинистском, причем обязательно, говоря современным языком, с элементами «экстрима» – переходами через бурные реки, ночевками на открытом воздухе и т. п. Выбор маршрутов обуславливался местами, где можно «наглядным способом приобрести знания, усилить здоровье и укрепить нервы». И, кроме того, естественно, классовыми задачами расширения политического кругозора.

Требовалось реальным образом крепить «смычку города с деревней». Недаром туристское движение 1930-х годов происходило под лозунгами: «Пролетарский туризм – лучший способ самообразования», «Пролетарский туризм творит нового человека». «Чтобы лучше строить СССР, надо его знать, – утверждали идеологи пролетарского туризма. – Чтобы лучше знать – будьте туристами!»

Не будем утомлять читателя нравоучениями: пусть каждый сам делает выводы и ищет исторические параллели. Обратим внимание на другое – на источники создания этой книги. Кроме газетно-журнальных публикаций начала XX века из фондов Российской Национальной библиотеки, источниками служили материалы Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. Кроме того, важнейшее значение для автора имели

встречи с петербуржцами – наследниками старинных петербургских фамилий, носителями исторической памяти, хранителями домашних архивов.

Именно такие, домашние, семейные архивы хранят порой уникальные документы ушедших эпох. Чаще всего мы даже не догадываемся о ценности старых, пожелтевших от времени бумаг с выцветшими чернильными или даже карандашными записями. И только когда вчитываемся в строки, чувствуем, что словно бы соприкасаемся с посланием из прошлого.

К сожалению, в годы советской власти очень многие практически ничего не знали о своих предках. Одни не хотели знать, другие просто пребывали в полнейшем неведении о том, кем были их предки. Так было спокойнее, надежнее и безопаснее. Ведь в те времена рабоче-крестьянское происхождение служило едва ли не главным мерилом благонадежности, а вот потомки выходцев из других, «нетрудовых», сословий могли столкнуться с самыми серьезными неприятностями. Потому и хранились семейные архивы подальше от чужих глаз. И это в лучшем случае – в худшем старые фотографии просто отправлялись в топку, от греха подальше.

Вот почему сегодня зачастую мы не знаем своих предков дальше третьего-четвертого колена. Наши бабушки и дедушки боялись сказать лишнего, чтобы детям не навредить. С этим страхом жили всю жизнь. Слава богу, теперь все не так. Своими предками – дворянами, купцами, священнослужителями, чиновниками – гордятся. Даже если это были просто самые обычные крестьяне – и тут есть чем гордиться. Главное – чтобы память сохранялась из поколения в поколения, и не важно, по большому счету, кем – генералом или приказчиком – был ваш предок…

Читатель уже обратил внимание, что книга состоит из двух равновеликих частей – «дел минувших» и «дел сегодняшних». С первой частью – понятно: там все, что относится к истории дореволюционной, а также к лихой поре 20-х и 30-х годов XX века. Вторая часть, касающаяся современности, является результатом журналистской деятельности автора в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» и «Вести». Именно эта работа подарила мне радость встречи с самыми удивительными людьми, о существовании которых порой даже и не представляешь. И тогда становится понятно, чем сильна наша земля – в первую очередь, неравнодушными, бескорыстными людьми, чье творчество и деяния движут нашу жизнь вперед. Порой кто-то назовет их чудаками, не от мира сего, но это будет оценкой человека недалекого и поверхностного.

Персоны, представленные в «делах сегодняшних», живут и здравствуют. Это люди самых разных возрастов, занятий и профессий, но всех их объединяет одно: неравнодушное отношение к истории, к малой родине, к ее прошлому и, главному, будущему. Это те люди, которые, действительно, считают, что от них многое зависит, их жизненный девиз: «Если не я, то кто?». Более того, каждый из этих людей, ставших героями «дел сегодняшних», отражает какое-то важное, знаковое явление нынешней жизни.

Как бы пафосно ни звучало, но эти заметки и интервью, относящиеся к нашей современности, – своего рода отпечаток времени. Спустя уже самое непродолжительное время они будут историческими источниками для тех, кто изучает наше не то чтобы очень смутное, но и не вполне определенное время. Недаром говорят (и справедливо), что газета живет один день. Собранные в книгу, эти заметки, надеемся, проживут немного дольше. И что, хочется верить, их оценит не только будущий историк, но и современный читатель.

Дела минувшие

Архивные редкости

«Да жаль, проезда нет подчас»…

Российские дороги с давних пор служат притчей во языцех. Кто только из русских классиков не писал о них! «Какое странное и манящее, и несущее, и чудесное в слове „дорога“, и как чудна она сама, эта дорога!», – замечал Николай Васильевич Гоголь в «Мертвых душах». Правда, чаще всего ругались на дороги. Как тут не вспомнить хрестоматийные пушкинские строки из «Евгения Онегина»: «Теперь у нас дороги плохи, Мосты забытые гниют…».

Пушкин был не единственным поэтом, посвятившим свои строки русским дорогам. Вот что писал в те же времена Петр Андреевич Вяземский:

Дороги наши – сад для глаз:
Деревья, с дерном вал, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль, проезда нет подчас.
С деревьев, на часах стоящих,
Проезжим мало барыша;
Дорога, скажешь, хороша —
И вспомнишь стих: для проходящих!

Всем известно выражение, приписываемое историку Николаю Михайловичу Карамзину: «В России две беды – дураки и дороги». Существует, правда, и другая версия, что эту фразу, сопровождаемую к тому еще и крепким русским словцом, бросил в сердцах государь Николай I, прочитав опус маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году».

Царю было на что гневаться: француза тепло принимали на всех уровнях власти Российской империи и ждали, что он ее восславит всеми силами своего пера. Однако тот сделал ровно наоборот: точно подметил отрицательные явления русской жизни и предал их огласке, не взирая ни на чьи чины и заслуги. Впрочем, мы отвлеклись: речь-то идет о дорогах, еще точнее, – о дорогах в Петербургской губернии.

Характерную деталь можно встретить в воспоминаниях инженера Георгия Васильевича Малкова-Панина «На рубеже двух эпох», проводившего лето под Гатчиной, на мызе Владимирской, принадлежавшей его деду – известному в России бумажному фабриканту, владельцу Красносельской писчебумажной фабрики Константину Петровичу Печаткину. «Дорога от станции [Гатчины. – *С. Г.*] до мызы была скверная: грязь, лужи, ухабы и глубокие колеи, – говорилось в мемуарах. – В имении же все дороги были шоссированы благодаря деду, который сделал это за свой счет».

Конечно, времена менялись, и дороги пушкинских времен никак нельзя сравнить с тем, что было в начале XX века, когда состояние дорог становилось буквально вопросом жизни и смерти для бурно развивающейся российской экономики. В начале 1900-х годов общая протяженность шоссейных дорог в Петербургской губернии превышала тысячу верст. На территории нашего региона проходило несколько транзитных шоссейных дорог – Московская, Варшавская, Нарвская, Выборгская и Архангелогородская. Кроме того, насчитывалось 325 грунтовых дорог – не считая проселочных.

Немало жалоб вызывал в начале XX века проходивший извилистой лентой вдоль Невы Шлиссельбургский тракт. Эту новую почтовую дорогу проложили еще в начале XVIII века. Протянувшаяся через Шлиссельбург, она соединила Петербург с Архангельском, а потому и была названа Шлиссельбургским трактом.

На прокладку этого тракта в начале 20-х годов XVIII века бросили десятки тысяч крепостных крестьян. Местность была лесистая, болотистая, и грязь на дороге никогда не высыхала. Тракт находился в самом плачевном состоянии до той поры, пока императрице Анне Иоанновне не понадобилось ехать на открытие Ладожского канала.

В августе 1732 года был выпущен указ: «Ее императорское величество изволила указать строение от С.-Петербурга до Шлиссельбурга дороги поручить камер-коллегии и для того строения определить от сената особливого человека, на рассмотрение которого велеть на больших реках сделать плоты, чтобы возможно было карету с лошадьми перевезти, а на болотистых местах делать дорогу фашинами и по сторонам ровки для стоку воды, и то все исправлять с поспешением, дабы в походе ее императорского величества нынешним летом на Ладожский канал ни малой остановки не было».

Тот ремонт Шлиссельбургского тракта стоил громадных денег. Для покрытия расхода ввели особый сбор за пользование дорогой. Для этой цели на тракте устроили «конторы». Расценки были следующими: по 2 коп. с возовой лошади с проводником за весь путь; по 3 коп. с легковой лошади; по 4 коп. с пары; по 6 коп. с тройки; по 8 коп. с четверки и по 12 коп. с экипажа в шестерку. Но поскольку знатных проезжих на Шлиссельбургском тракте появилось очень мало, а обыватель здешних мест ни за что не соглашался платить по 2 копейки с воза и предпочитал просто-напросто объезжать тракт, то этот сбор в конце концов упразднили.

И все-таки в начале XX века Шлиссельбургский тракт выглядел гораздо более «цивилизованной» дорогой, нежели другие пути сообщения того же Шлиссельбургского уезда. Недаром в мае 1905 года на заседании дорожной комиссии Шлиссельбургского земства было заявлено, что на всех трактах северной части мосты по большей части разбиты и провалились, а потому необходим их немедленный ремонт.

В июне 1907 года начальник петербургского почтово-телеграфного округа жаловался столичному губернатору А.Д. Зиновьеву: «Ввиду поступивших ко мне донесений от начальников подведомственных мне учреждений и жалоб от возчиков почт и даже частных лиц на неисправное состояние подъездных путей от г. Шлиссельбурга к ст. Мга и от г. Новая Ладога до ст. Званка, пути эти были осмотрены особо командированными чиновниками и оказались в таком состоянии, что беспрепятственный проезд по ним возможен только в летнее сухое время. С наступлением же осени они, без шоссировки и должного ремонта, будут также непроездны».

Начальник почтово-телеграфного округа просил распорядиться, чтобы Шлиссельбургское и Новоладожское уездные земства привели эти дороги в «такое исправное состояние, при котором следование почт с установленной скоростью не только летом, но и во всякое время года было бы вполне обеспечено».

Земства, в свою очередь, жаловались на недостаток денег. Так, Шлиссельбургская уездная земская управа, отвечая в июле 1907 года петербургскому губернатору А.Д. Зиновьеву, сообщала, в текущее время нет никакой возможности заниматься ремонтом дороги от Лезьенского тракта до стации Мга. Она была проложена по торфянистой болотистой почве, уплотнена песком и выглядит гораздо лучше, чем даже сам Лезьенский земский тракт.

«Если позволят средства земства, то осенью сего года, для большего уплотнения грунта, вновь будет произведена подсыпка песка, – указывалось далее в ответе Шлиссельбургской уездной земской управы, – а в будущем году может быть явится возможность окон-

чательно устроить эту дорогу, постройкой на всем ее протяжении булыжной мостовой или шоссе».

Спустя неделю управа адресовала губернатору еще одно письмо – снова по поводу той же дороги, о состоянии которой гневался начальник столичного почтово-телеграфного округа.

Во-первых, возмущалось уездное земство, какие к ним могут быть претензии, когда уже третий год длится «финансовое затруднение, вследствие чего приходится воздерживаться от исполнения многих работ по разным предметам, назначенным по смете». И, во-вторых, если почта так жалуется, пусть она идет по существующему губернскому тракту. А если не хочет – то тогда пусть этот тракт, на который она жалуется, передадут в ведение Губернского земства, имеющего куда больше средств. И вообще, возмущались шлиссельбургские земцы, с какой это стати почтовое управление требует от земства, чтобы его дороги были приведены в такое же состояние, как почто вые тракты?

Впрочем, тяжба этим не окончилась. Видя ропот земства, начальник столичного почтово-телеграфного округа распорядился «из-за неустройства подъездного пути» прекратить почтовое сообщение между Шлиссельбургом и Мгой, о чем 30 июня 1907 года не преминул сообщить петербургскому губернатору. Вместо этого установить «ежедневный ход обыкновенный почт между г. Шлиссельбургом и селом Усть-Ижорой через Елизаветино и Усть-Тосно по одному разу в день туда и обратно».

Почтово-телеграфный начальник жаловался и на то, что из-за плохих дорог его ведомство понесло убытки. Произошло это вот по какой причине.

«Летом, когда дороги просохли, я решил возобновить движение почты между Шлиссельбургом и Мгой, но возчик категорически отказался перевозить почты как в Усть-Тосно, как и до станции Мга, заявив, что от подряда этого он потерпел большой убыток по случаю ежедневной перевозки почт в Усть-Тосно вместо обусловленных контрактом двух раз в день до станции Мга и обратно», – сообщал начальник почтово-телеграфного округа. Таким образом, «неисправное состояние дороги дало повод названному крестьянину нарушить свои контрактные обязательства и сверх того вызвало необходимость отдачи помянутого подряда другому лицу…». Казна потерпела убыток: прежнему возчику полагалось 750 рублей в год, а на теперешних торгах на отдачу этого подряда наименьшая цена была заявлена уже в 1 тысячу 610 рублей.

Еще одна беда: владельцы участков, прилегающих к оживленным дорогам, ради своей коммерческой выгоды пытались прибрать к рукам не принадлежащую им землю. В результате дороги в этих местах становились узкими, напоминая коридор между двумя заборами. Именно так произошло на некоторых местах Шлиссельбургского тракта.

В июле 1911 года дорожный отдел Губернской земской управы пожаловался столичному губернатору о ситуации в Отрадном: владельцы земельных участников, прилегающих к Шлиссельбургскому тракту, захватывают землю вплоть до придорожной канавы. В то время как, согласно правилам, ширина полосы отчуждения возле тракта в свободных от леса местах должна быть не менее двадцати саженей. Управа сообщала, что примет все меры к восстановлению незаконно захваченных участков вдоль шоссе.

На словах меры были приняты: Шлиссельбургской земской управе разъяснили, чтобы она впредь не допускала никаких построек ближе чем в десяти саженях от оси тракта. Но постройки, уже возведенные ближе чем в десяти саженях от оси шоссе, оставить до прихода их в ветхость, не допуская в них капитального ремонта.

Впрочем, и на следующий год выяснилось, что ситуация повторяется: летом 1912 года инспектор казенных шоссе Санкт-Петербургской губернии при их объезде обратил внимание, что на второй версте перегона Усть-Ижора – Пелла у кирпичного завода Поршнева на обрезе шоссе поставлен дощатый забор на расстоянии 3,25 саженей от оси шоссе, а за забо-

ром – котлован, из которого добывается глина для производства кирпичей. Инспектора беспокоило, что в случае обвалов пострадает обочина, поэтому выработка глины в данном месте недопустима.

Об этом инциденте Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства путей сообщения доложило 28 сентября 1912 года петербургскому губернатору. Тот велел принять срочные меры к «уничтожению произведенного захвата шоссе», предписав снести забор на 10-саженном расстоянии от оси шоссе, засыпать и плотно утрамбовать котлован и привлечь виновника к судебной ответственности.

В архиве сохранилось и заявление совладельца кирпичного завода, Дмитрия Ивановича Поршнева, обещавшего принять меры к «урегулированию вопроса о захвате». Надо думать – меры он принял: надо ведь было заботиться об интересах предприятия…

Дом терпимости на берегу канала

Любопытные материалы, ярко рисующие картины шлиссельбургских нравов конца XIX века, можно найти в архивах. Как оказалось, этот маленький городок вовсе не был тихим и спокойным. Отзвуки кипевших тут страстей доносились до столицы…

«В нашем околодке в доме отставного унтер-офицера Горского находится публичное заведение – дом терпимости, в котором учиняются буйство, скандалы, пьянство, ежедневный разбой, и вблизи его неоднократные убийства и все терпимые нами безобразия, столь невыносимые», – возмущались жители и домовладельцы шлиссельбургской слободы, располагавшейся возле канала императрицы Екатерины II. Свою жалобу в конце июля 1883 года они подали городскому голове Шлиссельбурга Гавриилу Николаевичу Флоридову.

Шлиссельбуржцы слезно умоляли избавить их от мучений и перевести сие злачное заведение в какое-нибудь другое место города. По их словам, от этого, «кроме нашего спокойствия, облагородится, может, общественный бульвар, по которому прекратилось бы путешествие пьяно-безобразного люда, чрез это у многих семейств отпала охота прогуливаться по единственному у нас в городе общественному саду».

Итак, проблема была налицо: публичный дом в Шлиссельбурге являлся очагом вопиющего безобразия, от которого изрядно страдали местные жители. Надо заметить, что в то время проституция была официально разрешена. В ходе реформ министра внутренних дел графа Л.А. Перовского в 1843 году был создан специальный орган для надзора за публичными женщинами – Врачебно-полицейский комитет. Легализация проституток Петербурга имела целью покончить раз и навсегда со всеми беспокойствами, связанными с чрезвычайным распространением нелегальной проституции.

Комитет начал с того, что установил точное число дам легкого поведения в Петербурге. В первые же дни зарегистрировали четыреста «ночных бабочек», которым вместо паспорта выдали «желтый билет». Всех проституток было решено сосредоточить в домах терпимости. Однако в Министерстве внутренних дел вскоре поняли, что всех особ легкого поведения невозможно сосредоточить в закрытых заведениях, и разрешили «свободную» проституцию. Тем не менее, как отмечают историки Наталья Лебина и Михаил Шкаровский, «Петербург хоть и считался лидером в индустрии продажной любви, но одновременно стремился к внешнему благообразию в этой области»…

Впрочем, вернемся в Шлиссельбург. Городской голова Флоридов, ознакомившись с челобитной своих жителей, отправил депешу петербургскому губернатору: «Жители города Шлиссельбурга, проживающие по правому берегу канала императрицы Екатерины II (он же Лейманский) в числе двенадцати человек, 28 июля сего года подали прошение, адресованное на мое имя, в котором пишут о безобразиях, происходящих в их местности от существу-

ющего в оной дома терпимости, содержимого вдовой Екатериной Петровой. Просят моего ходатайства о переводе того дома в другую, более отдаленную от них местность».

На рапорте господина Флоридова сохранились резолюция столичного вице-губернатора: «Предписать шлиссельбургскому исправнику оказать содействие в удовлетворении оной претензии». Однако все оказалось не так-то просто. Местный исправник серьезно занялся этим вопросом и выяснил, что… лучшего места для публичного дома, где он действует, и быть не может. Впрочем, обо всем по порядку.

Как сообщал исправник в петербургское губернское правление, исполняя предписание, он поручил своему помощнику «понудить содержательницу дома терпимости перевести заведение из своего дома в один из домов той местности города, которая будет ей указана полицией». Екатерина Петрова не противилась, изъявила готовность исполнить это требование и даже согласилась вообще закрыть дом терпимости, если того потребуют власти.

Однако же, когда исправник стал обсуждать с городским головой, где же можно разместить публичный дом таким образом, чтобы он никому не мешал, выяснилось, что он находится в самом подходящем месте. Поскольку, если перевести его в другую часть города, там тоже неизбежно возникнут подобные жалобы обывателей, «так как все остальные части города населены торговцами и более интеллигентной публикой». И вообще, резюмировал исправник, в Шлиссельбурге несколько лет назад уже закрывали дом терпимости, но потом его все равно открыли, поскольку уж лучше закрытое заведение, чем распространение уличной проституции.

Городской голова Шлиссельбурга Флоридов посвятил особую записку, в которой оправдывал существование в городе дома терпимости. «В Шлиссельбурге существует большая фабрика, лесопильные и пороховые заводы, пристани буксирных и пассажирских пароходов, большой проход и остановка разных судов, отчего бывает и большое скопление народа, особенно в летнее время. Вот в этих видах, по крайнему разумению моему, существующий в городе дом терпимости не должен быть закрытым. Означенный дом находится на канале императрицы Екатерины II в местности от центра города удаленной и потому самой удобной, а засим и переводить его в другую какую-либо местность я не нахожу возможным».

На том дело и закончилось. Что же касается жалобы обывателей, у которых уже не было больше сил терпеть рядом со своими жилищами безобразия и непотребства, то о них никому просто не было дела. Правда, помня об их беде, вице-губернатор Петербурга начертал резолюцию: «Учредить по сказанному заведению строгий надзор».

120

«Фривольные» открытки конца XIX – начала XX века

Увы, нам неизвестно, сколько лет просуществовало заведение мадам Петровой. Но прошло три года, и в августе 1886 года на стол петербургскому губернатору легло прошение жившей в селе Путилово Шлиссельбургского уезда жены запасного писаря Аксиньи Ивановны Силаваевой, в котором она просила дозволения открыть… публичный дом: «Честь имею покорно просить разрешить мне открыть в городе Шлиссельбурге дом терпимости согласно прилагаемом при сем свидетельстве Шлиссельбургской городской управы за № 1697». Правда, прошение писал, очевидно, либо муж Аксиньи, либо какой-то конторщик, поскольку в самом низу бумаги следовала подпись, сделанная корявым, дрожащим почерком малограмотного человека: «Ксения Силаева».

Каким же свидетельством прикрывалась жена запасного писаря, пожелавшая стать хозяйкой дома терпимости? Документ этот весьма любопытный. Вот он – перед вами.

«Выдано сие от Шлиссельбургской городской управы жене запасного писаря Аксинии Ивановой Силаевой в удостоверение того, что в открытии здесь в Шлиссельбурге дома терпимости, по народонаселению, признается необходимым, на основании того, что за отсутствием такового дома в последнее время тайная проституция развилась в сильной степени. Не далее как 29 минувшего июля сего года было собрано полицией для освидетельствования числом двадцать две проститутки, из которых шесть оказались зараженными сифилисом и оставлены на излечении в городской больнице». Подписал это «свидетельство» 2 августа 1886 года городской голова Шлиссельбурга.

Однако на этот раз «отцу города» не удалось разжалобить петербургские власти: петербургское губернское правление, взвесив все «за» и «против», решило все-таки отказать: «В открытии в Шлиссельбурге указанного заведения не представляется надобности». А потому прошение Аксиньи Силаевой оставили без последствий…

«Полный беспорядок и нарушение всех требований»

Одним из любимых увеселений времен «блистательного Санкт-Петербурга» начала XX века являлся, конечно, кинематограф. «Теперь в Петербурге почти на каждой улице можно встретить несколько театров-кинематографов, украшенных электрическими лампионами, с громкими, полными дурного вкуса названиями, – отмечал режиссер Всеволод Мейерхольд в черновом наброске своей статьи «Кинематограф и балаган», над которой он работал в 1912 году. – Подобное явление само по себе очень характерно как показатель настроения и вкуса современной публики».

Кинематограф развивался быстро, и очень скоро «синема» появились и в Петербургской губернии. К примеру, в Луге кинематографы особенно охотно посещались офицерами. Летом 1910 года публике представили новые картины – «Бой быков в Севилье», «Дочь каторжника» и «Адмирал находится в плавании». Среди зрителей были замечены исправник, предводитель дворянства, податной инспектор и земский начальник.

Как известно, кинематограф был в ту пору делом частным. Государственным он стал только после революции: в августе 1919 года советское правительство (Совнарком) утвердило (а В.И. Ленин подписал) декрет о национализации кинематографа («О переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного комиссариата по просвещению»).

Ну, а поскольку кинематограф до революции был частным, то помещение для просмотров фильмов оборудовалось владельцем каждого заведения на свой вкус. Специальных помещений было крайне мало: как правило, речь шла о приспособлении больших залов, порой совсем непригодных для массового скопления людей. Естественно, посещать такие кинематографы было весьма небезопасно. Власти закрывали на это глаза, пока не произошло несколько случаев с печальным исходом. Только после этого вопросом безопасности кинематографов озаботились всерьез.

«Театры-кинематографы существуют у нас недавно, всего лет шесть, – говорилось в 1907 году в „Петербургском листке“. – Увы, приходится констатировать весьма грустный факт непригодности в пожарном отношении тех квартир и магазинов, которые заняты большинством кинематографов. Заведующие кинематографическими аппаратами, за редким исключением, – люди без всякого технического образования, не имеющие даже технической подготовки. Целлулоидные ленты кинематографов очень пожароопасны: достаточно одной искры, попавшей на такую ленту-катушку, чтобы она вспыхнула. Но если опасны ленты иностранного производства, то еще более опасны ленты отечественного кустарного

изготовления, так как их материал самый дешевый и горючий. Электрические провода для кинематографов сплошь и рядом прокладываются монтерами-самоучками – их работа стоит гораздо дешевле специалистов.

Дешевые кинематографы напоминают арестантскую полицейского участка. Много кинематографов разбросано по окраинам. Они манят к себе пестрыми афишами, коленкоровыми вывесками и флагами. Можно с уверенностью сказать, что из десяти таких балаганчиков только один мало-мальски безопасен».

Дабы оградить население «от опасности в пожарном отношении, представляемой кинематографом», в январе 1911 года Санкт-Петербургская земская управа постановила поручить техникам управы произвести в осмотр всех подобных заведений, существующих в пределах губернии, «для выяснения вопроса о принятии необходимых противопожарных мер». К участию в осмотрах привлекались представители местных пожарных дружин, а о дне осмотра следовало обязательно уведомить полицию.

Ревизия в губернии выявило одно, едва ли не самое важное, обстоятельство: во многих уездах, особенно тех, что находились на значительном расстоянии от столицы, кинематографов попросту еще не появились. Поэтому там, естественно, и предмета для инспекции не было, что существенно облегчало дело.

«Имею честь уведомить, что иных кроме кинематографа в городе Луге в пределах уезда кинематографов не имеется», – указывал председатель Лужской уездной земской управы в своем отчете в Строительное отделение губернского правления.

«В районе Новоладожского уезда в данное время кинематографов не имеется», – рапортовала местная уездная земская управа. «Ни одного кинематографа в городе Новой Ладоге нет», – сообщал в Строительное отделение губернского правления новоладожский городской голова. На полное отсутствие в своем уезде кинематографов указывала и Шлиссельбургская уездная земская управа.

Где же были кинематографы в пределах тогдашней губернии? Итак, один – в городе Ямбурге (ныне Кингисепп). Четыре заведения – в городе Нарва, который входил тогда в состав Санкт-Петербургской губернии, причем один из них располагался на Ивангородской стороне (форштадте). Два кинематографа работали в Ораниенбауме (оба на Дворцовом проспекте), один в Луге (в доме камергера Александра Тирана на углу Песочной и Гдовской улиц) и три в Петергофском уезде – в Александровской слободе, в Стрельне и деревне Халузи. И, наконец, три кинематографа действовало в Царскосельском уезде: в Колпино, в деревне Кезево и в поселке Высокое при летнем театре.

Результат осмотра многих помещений кинематографов оказался удручающим: они, действительно, могли в случае чрезвычайных ситуаций представлять серьезную угрозу для посетителей. Инспекторы обращали внимание на недостаточное количество выходов из зрительного зала, узкие и крутые лестницы, отсутствие запасных выходов и указателей. Обращало на себя внимание почти повсеместное отсутствие противопожарных средств.

Некоторые помещения признавали «крайне опасными в пожарном отношении». Такие кинематографы временно закрывали «до устранения всех недочетов».

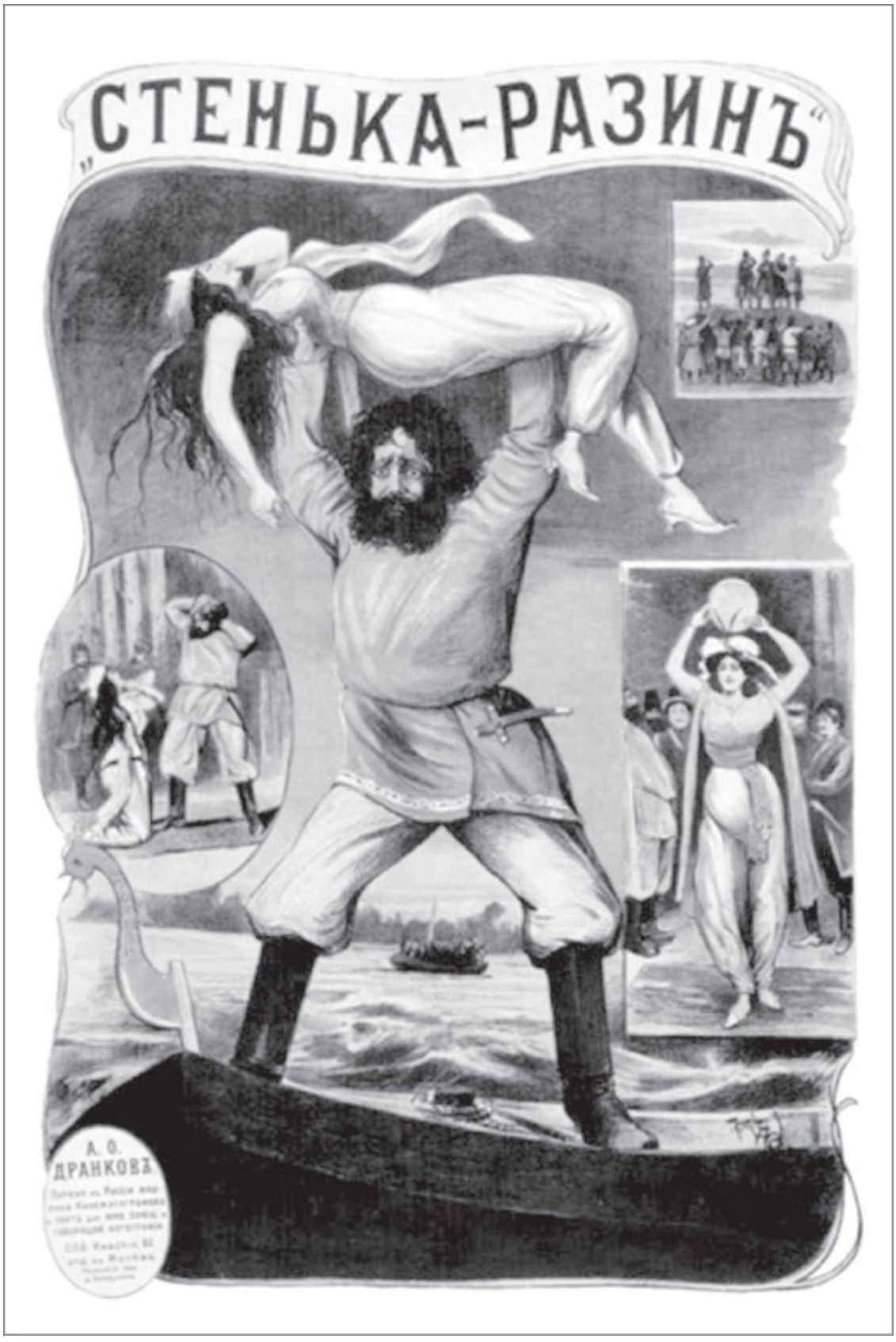
«20-го сего февраля я посетил представление кинематографа и нашел полный беспорядок и нарушение всех требований со стороны содержателя кинематографа», – гневался уездный исправник города Ямбурга. В своем приказе он предписывал полицейскому надзирателю предъявить ряд требований хозяину этого кинематографа.

Исправник обращал внимание, что над кассой должно быть обязательно указано число мест, и свыше этого количества в зале не должно быть ни одного лишнего зрителя. Стоять в проходах кому бы то ни было строго воспрещалось. В зале должны быть устроены три широких прохода – два вдоль стен и один посередине. По одному окну с каждой стороны

зала исправник требовал «совершенно открыть» (то есть не занавешивать темной материей) и отмечены надписью «запасный выход».

Возле будки киномеханика обязательно должны стоять кадка с водой и ведра, а также не менее двух огнетушителей. И, наконец, исправник предписывал «обязать содержателя кинематографа иметь не менее четырех человек прислуги: один при входных дверях, один у будки и два человека в зале для указания мест и на случай открытия запасных дверей».

Требования исправника выполнили, и в отчете по городу Ямбургу, отправленном в управу и датированном 23 марта 1911 года, указывалось: «Все противопожарные меры приняты». «Кинематограф устроен в зале народного дома, в каменном здании, выходов шесть, – сообщалось в отчете. – Число мест 182. Сеансы бывают два раза в неделю. Освещение зала и кинематографа электрическое, во время сеанса горят фонари со стеариновыми свечами».



Афиша картины «Стенька Разин», 1908 год

Любопытны также подробности ревизии кинематографа на Ивангородском форштадте. Как сообщалось в отчете, в начале апреля 1911 года «исполняющий дела» нарвского полицмейстера Шафров вместе с членом Нарвской городской управы Тоне, нарвским город-

ским архитектором Опацким и представителями нарвского пожарного общества произвели осмотр «помещения кинематографа Васильева с паровым двигателем и электрическим освещением в его Васильева, собственном доме, находящемся в г. Нарве на Ивангородском форштадте по Новой линии № 136/137».

«Ввиду имеющихся налицо условий, удовлетворяющих помещение в безопасности в пожарном отношении, – довольно витиеватым языком указывалось далее в отчете, – комиссия определила: число одновременного нахождения публики в помещении кинематографа не должно превышать 140 человек, скамейки должны быть прибиты к полу, а стулья связаны рейками, в аппаратной будке на лентах должны иметься предохранительные коробки, а у запасных выходов над дверями надлежит повесить обыкновенные лампы в фонарях, о чем и объявляю владельцу кинематографа».

Что же стало итогом осмотра кинематографа в Санкт-Петербургской губернии? Изучив все предоставленные ему отчеты, техническо-строительный комитет Министерства внутренних дел прислал правила по устройству и содержанию кинематографов и рекомендовал городским управлениям и губернским земским собраниям издать соответствующие обязательные постановления.

И вновь кинематограф продолжил свою «победную поступь» по просторам Петербургской губернии. В праздничные дни лужская публика валом валила в кинематограф. За несколько дней до нового, 1912 года, в Луге открылся еще кинематограф «Прогресс». Его владелец Яшинин построил для него специальное здание «со всеми новейшими техническими усовершенствованиями в области кинематографии».

Все билеты разобрали еще накануне. В первый же день, из-за большого наплыва публики, состоялось пять сеансов. Публика толпилась в проходах, коридорах и на лестницах. Кино, естественно, было «немое», и во время демонстрации картин играл скрипач под аккомпанемент на рояле.

Показывали драму «Между молотом и наковальней», а также картину «Бой быков в Испании». Как гласили афиши, она требовала крепких нервов, но именно этот фильм вызвал особенный ажиотаж среди зрителей. В основном, тем, что был «запретным плодом»: по нравственным соображениям его не разрешали к показу за границей и во многих городах России. А в кинематографе «Сатурн» в те же праздничные дни показывали картины «Маневры американской эскадры», «Сообразительный слуга» и «Похищение эскадры».

«Пострадавшие от злоумышленных покушений»

Первую русскую революцию когда-то очень подробно изучали на школьных уроках истории, ведь не могло быть и тени сомнения, что именно 1905 год стал «генеральной репетицией» года 1917-го. События тех дней мы помнили почти что наизусть: Кровавое воскресенье, бунт на броненосце «Потемкин», декабрьское вооруженное восстание в Москве. А еще были крестьянские волнения, не обошедшие стороной и Петербургскую губернию…

Относилась она к числу относительно «спокойных», однако, как свидетельствуют исследователи, и здесь властям нередко приходилось прибегать к силе оружия, дабы усмирить «смутьянов». Хотя, конечно, масштабы военных «операций» в Петербургской губернии не сравнимы были с тем, что происходило в Петербурге. Тем не менее, в Лужском и Ямбургском уездах за порядком надзирали отряды лейб-гвардии Кирасирского полка, а отряды другого гвардейского полка, Уланского, патрулировали Петергофский уезд.

Власти было чего бояться: все копившееся годами недовольство прорывалось наружу. К примеру, крестьяне, участвовавшие 18 ноября 1905 года в Кумуловском волостном сходе в Петергофском уезде, составили петицию правительству, в которой ярко описывали свое ужасное положение. «Бедность наша, доходящая до нищеты, – говорилось в прошении, –

произвол со стороны власть имущих, малоземелье, непосильные налоги, бесправие, невежество и т. д. без конца довели нас, русских пахарей, до отчаяния. Жить так, как мы живем в настоящее время, становится невозможным…».

Как только где-то в губернии становилось «жарко», туда направляли новые воинские части. К примеру, 22 ноября 1907 года из-за забастовки сельскохозяйственных рабочих Молосковицкой волости Ямбургского уезда петербургский губернатор А.Д. Зиновьев направил ямбургскому исправнику телеграмму, в которой предписывал использовать полицию и солдат для подавления беспорядков, а также для охраны станции и винокуренного завода. «Заведомых подстрекателей и вожаков немедленно арестовывать, – указывал губернатор. – Требую от вас энергии».

Крестьяне были недовольны не только своим бедственным положением, но и аграрной реформой, начатой премьер-министром Столыпиным как раз в самый разгар Первой русской революции. Направлялась реформа на разрушение сельской общины. Как оказалось, в нововведениях были наиболее заинтересованы крестьяне ближайших к Петербургу уездов, которые давно уже тяготились зависимостью от общины. А вот крестьянам отдаленных уездов община не мешала, поэтому здесь приходилось проводить реформу опять-таки насильственными, административными методами. Причем главными исполнителями на местах становились исправники, полицейские приставы и другие должностные лица уездного масштаба. Именно против них и направлялся крестьянский гнев.

Уникальные документы ЦГИА Санкт-Петербурга дают возможность посмотреть с неожиданной стороны на события Первой русской революции, происходившие в пределах Петербургской губернии. Относятся эти документы к июню 1912 года, когда от тревожных дней «русской смуты» остались только тяжелые воспоминания, и казалось, что в России наступило долгожданное спокойствие и подобного больше никогда не повторится.

Архивное дело начинается депешей, которую петербургский губернатор направил исправникам и полицмейстерам губернии. В ней говорилось: «Во времена происходивших и в С.-Петербургской губернии беспорядков было несколько случаев нанесения ран и причинения смерти классным и нижним чинам отчасти с политической целью, а отчасти и просто под влиянием господствовавшего крайне повышенного настроения.

Подобного рода печальные случаи, зачастую заключавшие в себе яркие примеры самоотверженного и бесстрашного исполнения чинами полиции своего долга, являются событиями, которые не могут и не должны пройти бесследно. С другой стороны, при выяснении полной их картины могут дать много поучительного для полиции материала, я остановился на мысли собрать о каждом таком случае самые подробные сведения и описание каждого события, вместе с портретом пострадавшего внести в особый список».

«Ввиду сего» петербургский губернатор предписывал доставить ему сведения о каждом из упомянутых случаев, а также фотокарточки чинов полиции, пострадавших от «злодейских на них покушений». Впрочем, непосредственно этим занимался, конечно, не сам губернатор, а губернское правление. Оно сообщило, что предприняло «собрание портретов чинов полиции С.-Петербургской губернии, убитых и пострадавших при исполнении своих обязанностей в смутные годы, и составление описание обстоятельств злоумышленных на них покушений».

А дальше последовали рапорты исправников каждого из уездов, сложившиеся в целостную картину «смуты» в Петербургской губернии во время Первой русской революции и нескольких лет после нее. Как оказалось, всего в губернии за это время от рук «разбушевавшейся черни» пострадало 16 полицейских, причем больше всего – в 1907 году (6 человек). Четверо стали жертвами «злодейских покушений» в 1905 году, двое – в 1906 и 1908 годах, по одному – в 1909 и 1910 годах.

Из всех уездов самым беспокойным оказался Лужский – здесь пострадало четверо полицейских. Вот, к примеру, что произошло здесь 19 декабря 1905 года, – с точки зрения лужского уездного исправника. Пристав 5-го стана Михаил Богданов выезжал в село Видон Феофиловской волости Лужского уезда, чтобы опросить крестьян этого села по делу о задержанном накануне «за агитацию» и доставленном в полицейское управление крестьянине того же села Александре Петрове. Крестьяне потребовали освободить Петрова, на что пристав, естественно, ответил отказом. Что же произошло дальше?

Г.Н. Горелов. «Нападение крестьян на помещичью усадьбу в 1905 году». 1920 год

«Толпа с криком и бранью набросилась на него, столкнула с крыльца и, повалив, нанесла ему тяжкие побои, последствием которых была смерть пристава Богданова», – сообщал лужский исправник. Было приставу 40 лет от роду, без кормильца остались жена и шестилетняя дочь. Семье назначили пенсию 413 руб. 33 коп. в год.

Другой случай в Лужском уезде произошел 29 апреля 1907 года, когда командированного для поддержания порядка на ярмарку при станции Новоселье стражника 11-го пешего отряда полицейской стражи Павла Петрова застрелил из револьвера неизвестный злоумышленник. Убийцу обнаружить так и не удалось. Что же касается погибшего Петрова, то ему исполнилось всего 29 лет, происходил он из крестьян деревни Горки Феофиловской волости Лужского уезда, воевал солдатом на Русско-японской войне. Без мужа осталась жена с тремя малолетними детьми. Ей и каждому из детей назначили пособие по 24 рубля в год.

Согласно рапорту Царскосельского уездного исправника, там пострадал только один чин полиции – младший городовой Колпинской полицейской команды Виктор Шмелев. Он получил удар по голове во время беспорядков 17 апреля 1905 года, когда «буйствовавшая толпа местных обывателей» бросала камни в окна полицейского управления Колпино. «Поранение, хотя впоследствии и зажило, но расстроило здоровье пострадавшего настолько, – сообщалось в рапорте исправника, – что он, несмотря на отсутствие всяких средств к жизни, должен был, наконец, отказаться от дальнейшей службы и был уволен в отставку по прошению 1 марта 1909 года». Через некоторое время он скончался, а его вдове с детьми назначили пенсию 160 руб. в год.

В Шлиссельбургском уезде также было зафиксировано одно чрезвычайное происшествие, связанное с нападением на полицию. Как значилось в отчете исправника, в начале декабря 1906 года в селе Путилово местные крестьяне Федор Пожарский и Василий Огурешников с двумя товарищами пытались ворваться в помещение Общественного собрания, расположенного в здании Путиловского пожарного общества. Они начали ломать двери, запертые изнутри. Находившийся рядом полицейский стражник Василий Павлов пытался остановить «буйствовавших», и тогда они, вооруженные кольями, перешли в наступление. Отбиваясь обнаженной шашкой, стражник бросился бежать к квартире урядника Александра Гаврилова.

Здесь и произошла дальнейшая схватка, в ходе которой Гаврилова ранили. Врачебное отделение признало его ранение увечьем, лишающим его трудоспособности на 20 %. А посему Гаврилову назначили пенсию 63 рубля в год. Что же касается буйствовавшего злодея Пожарского, то военно-окружной суд в Петербурге приговорил его, как особо опасного преступника, к смертной казни через повешение. Затем его Высочайше помиловали и заменили казнь 12-летними каторжными работами. Если он дожил до Февральской революции, то, скорее всего, вышел из узилища настоящим героем, борцом за свободу трудового народа…

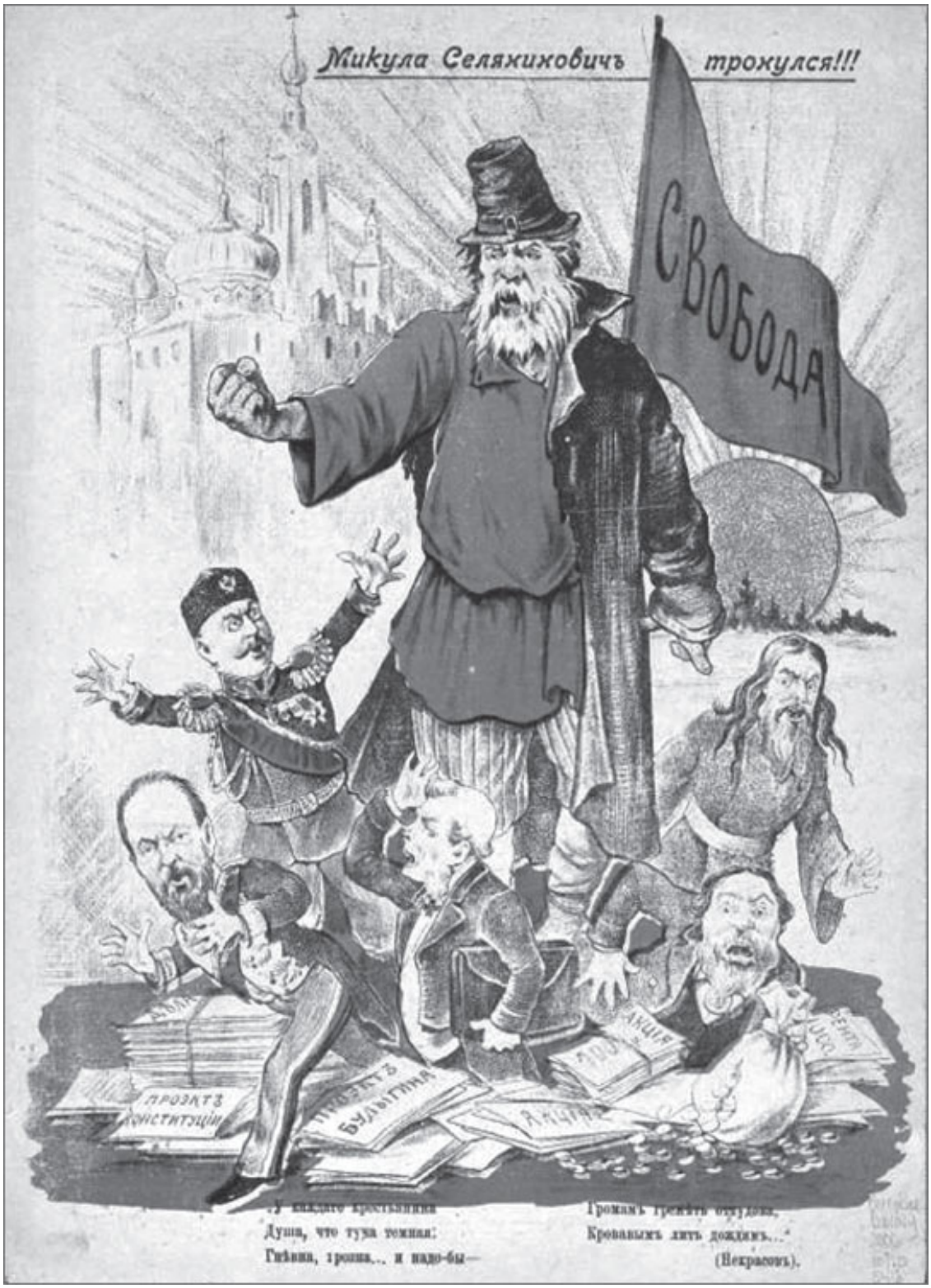


Иллюстрация из сатирического журнала. 1905 год

Нападения на полицейских случались в Петербургской губернии и после подавления Первой русской революции. Так, в Лужском уезде урядник Константин Кравец-Кравцов пострадал дважды: первый раз его избили крестьяне деревни Дубровки во время беспорядков, а второй раз, в день объявления приговора суда над виновными, 7 августа 1908 года, в той же деревне он был убит. Вдове назначили пенсию в 120 руб. в год.

В июне того же 1908 года в Новоладожском уезде, «при усмирении буйствовавшего лица в деревне Яровщине», погиб стражник Семен Зыгмант. А вот опять – Лужский уезд! Здесь 5 сентября 1909 года при производстве обыска в деревне Сабицы убили урядника Михаила Макарова. Его семье назначили пенсию 120 руб. в год, а детям, кроме того, ежегодное пособие по 24 руб. каждому.

И, наконец, чрезвычайное происшествие произошло 13 сентября 1910 года в Ямбургском уезде. Пристав Фока Грицай-Лукаш был убит выстрелом в окно, когда он работал в своей канцелярии. Семье назначили пенсию 432 руб. в год, а детям, кроме того, еще и ежегодное пособие по 75 руб. каждому.

…Что же в итоге? Автору очень бы не хотелось, чтобы его восприняли как апологета и защитника полиции, стоявшей, как известно из любого школьного учебника, на страже царской власти и боровшейся со справедливым крестьянским протестом. В то же время, чины полиции тоже являлись людьми подневольными, и едва ли все из них были довольны поставленной перед ними задачей «держать и не пущать». Одним словом, говоря о жертвах Первой русской революции, вспомним и стражей порядка. Ведь не все они – «царские держиморды»…

«Нежелательные элементы»

В недрах архива сохранились любопытные материалы, свидетельствующие о том, как во времена Первой русской революции власти пытались контролировать общественную жизнь в Петербургской губернии. В столице бушевали политические страсти, только появившееся народное представительство позволяло себе с высокой думской трибуны критиковать царя и правительство. Ничего подобного прежде не происходило – не зря власти обеспокоились: насколько глубоко проникла «крамола» в российское общество? Понятно, в столицах «смутьяны» – интеллигенты, студенты, рабочие, а как обстояли дела в провинции?

В Петербургской губернии, конечно же, все было гораздо более тихо и спокойно. И хотя царский манифест 17 октября 1905 года даровал подданным Российской империи основные свободы (слова, совести, собраний, союзов и печати), власти хотели держать ситуацию под полным контролем. Как именно – будет ясно из переписки между уездными исправниками и столичным губернским правлением.

В конце июля 1906 года Общий департамент Министерства внутренних дел направил петербургскому губернатору требование сообщить «в самое непродолжительное время», какие существуют в пределах губернии самостоятельные союзы, преследующие политические цели, и местные отделения политических партий, зарегистрированных в другой губернии, с указанием лиц, состоящих во главе тех и других. Требовалось также сообщить, каков примерно численный состав каждого из этих союзов или отделений, а если еще они имеют свой печатный орган, то как он называется и кем издается.

Спустя непродолжительное время в С.-Петербургское губернское правление посыпались рапорты уездных исправников. Почти все они были одинаковы: «Доношу губернскому правлению, что никаких самостоятельных союзов, преследующих политические цели, а также и отделений политических партий, зарегистрированных в других местностях, в городе и уезде не имеется».

В таких выражениях отчитались исправники Лужского, Петергофского, Ямбургского, С.-Петербургского, Царскосельского, Шлиссельбургского уездов, а также полицмейстеры Павловска, Ораниенбаума, Нарвы и Царского Села. Исключение составили Новоладожский уездный исправник и полицмейстер Гатчины.

В Новой Ладоге, как выяснилось, существовало местное отделение Союза русского народа – православно-монархической организации националистического толка. Офици-

ально основной целью Союза ставилось развитие национального русского самосознания и объединение всех русских людей для общей работы на благо России единой и неделимой. Это благо, по мнению идеологов Союза, заключалось в традиционной формуле «Православие, самодержавие, народность». Многие консервативно настроенные граждане видели в «Союзе русского народа» оплот самодержавной идеи и выражение народной преданности царю, среди же либерально мыслящих людей Союз имел репутацию реакционной, погромной и черносотенной организации, поощряемой правительством.

Новоладожское отделение Союза русского народа состояло из тридцати человек, из которых избрали совет. Его председателем был отставной полковник Иван Алексеевич Заваров, а его помощниками («товарищами») – Алексей Трифонов и Василий Сироткин. «Никакой деятельности отделение это пока не проявляло и предполагает в скором времен заняться распространением брошюр и изданий Союза русского народа», – сообщалось в рапорте новоладожского исправника.

Самой политически активной в губернии была Гатчина: здесь действовало сразу несколько отделений политических партий – Конституционно-демократической, Правового порядка и Союза русского народа.

Несколько слов об этих партиях. Кадеты (конституционно-демократическая партия, называлась также еще и «партией народной свободы») – одна из основных политических партий в России в 1905–1917 годах. Она выступала за демократические свободы и монархию, ограниченную конституцией. Кадетов уважительно называли «профессорской партией», имея в виду высокий образовательный и культурный уровень рядовых членов и созвездие имен в руководстве партии. Среди руководителей партии были историк и публицист Павел Николаевич Милюков, специалист в области государственного хозяйства и бюджета, врач Андрей Иванович Шингарев, юрист Владимир Дмитриевич Набоков (отец писателя).

Партия правового порядка, возникшая в октябре 1905 года, выдвигала лозунги «правового порядка» (конституции), «единства и неделимости России», «сильной государственной власти» и «укрепления авторитета монархии». Правда, просуществовала эта партия недолго: в 1907 году, при выборах во вторую Государственную думу, часть ее сомкнулась с Союзом 17-го Октября («октябристами»), а другая часть перешла в лагерь черносотенцев…

Итак, кто же стоял во главе гатчинских кадетов? В рапорте полицмейстера фигурировали надворный советник Константин Григорьевич Голубков, трудившийся чиновником в Министерстве торговли и промышленности; врач Гатчинского Сиротского института Александр Николаевич Мокеев; статский советник Андрей Васильевич Васильев. Численный состав партии по Гатчине составлял около двухсот человек, в основном, это были представители интеллигенции, мещане, встречались также и граждане крестьянского происхождения. Партия кадетов издавала «Гатчинский листок».

Среди руководителей партии Правового порядка были потомственные почетные граждане Федор Васильевич Гердет и Иван Кузьмич Нижегородов, а также действительный статский советник Петр Николаевич Вереха и купеческий сын Николай Семенович Веревкин. Согласно документам, как и кадеты, партия насчитывала в Гатчине порядка двухсот членов. Среди них числились мещане, чиновники, и даже один студент Института гражданских инженеров.

Во главе гатчинского отделения Союза русского народа также стояли уважаемые в городе люди: потомственный почетный гражданин Николай Николаевич Шилов, старший врач Гатчинского госпиталя Дворцового ведомства Григорий Григорьевич Надеждин, из того же госпиталя – смотритель Петр Иванович Шелепин и аптекарь Николай Афанасьевич Матвеев. Всего гатчинских «союзников» насчитывалось 120 человек.

«Все три поименованные партии правильной организации в г. Гатчино не имеют, – докладывал уездный исправник в губернское правление. – До выборов в Государственную Думу (речь идет о выборах в первую ГосДуму весной 1906 года. – *С. Г.*) партии конституционных демократов и Правового порядка имели несколько предвыборных собраний. Союз русского народа не имел совсем собраний. С открытием Государственной Думы деятельность партий в агитационном смысле прекратилась, собраний долгое время не было, исключая кадетскую партию, которая во время сессии Думы имела два собрания».

Доклады исправника имели не только информационное значение. У политически активных граждан могли возникнуть весьма ощутимые проблемы. «Уведомляю, что Александр Николаевич Мокеев, врач Императорского Николаевского Гатчинского Сиротского института, преподаватели того же института статские советники Андрей Васильевич Васильев и другие (перечислены. – *С. Г.*) принадлежат в недозволенном законом конституционно-демократической партии», – сообщалось в депеше петербургского губернатора А.Д. Зиновьева, направленной 4 ноября 1906 года Главно-управляющему Ведомством Императрицы Марии (именно ему подчинялся Сиротский институт).

В том же архивном деле, посвященном учету политических партий в губернии в 1906 году, автору этих строк повстречался весьма любопытный документ, адресованный 29 октября того года царскосельским уездным предводителем дворянства петербургскому губернатору А.Д. Зиновьеву. По сути – донос на «политически неблагонадежного» гражданина.

«В настоящее время под моим председательством Царскосельского отделения Общества Попечительного о тюрьмах входит в числе директоров отделения помощник присяжного поверенного Андрей Константинович Гольм», – цитируем дословно послание предводителя дворянства. Документ настолько характерен, что мы позволим себе привести его практически дословно, без купюр и исправлений стилистики.

Итак, предводитель сетовал, что господин Гольм является «элементом весьма нежелательным», «во-первых, в виду принадлежности его к кадетской партии и занимающимся помимо своих обязанностей, прежде изданием, а ныне сотрудничеством, партийной местной газеты с весьма односторонне крайним направлением и, во-вторых, человек, увлекшийся от прямых своих обязанностей, вряд ли могущий приносить какую-либо существенную пользу Отделению даже и в материальном отношении, так как обязывался вносить по 5 руб. ежегодно».

«Вследствие сего представляя об изложенном на усмотрение Вашего Превосходительства, – с превеликими подобострастием резюмировал предводитель дворянства, – имею честь покорнейше просить сделать по сему надлежащие распоряжения и о последующем не оставить уведомлением». Не менее любопытна и резолюция губернатора на письме царскосельского предводителя дворянства: «Иметь в виду, но пока вопрос не возбуждать».

«Крамольная» лекция

Любопытный казус, имевший далеко идущие последствия, произошел в ноябре 1910 года в Лужском городском четырехклассном училище. В тот день здесь проходила публичная лекция Лужской комиссии С.-Петербургского общества народных университетов, посвященная финансовому праву.

Как всегда, местная полиция бдительно контролировала общественные умонастроения, поэтому лекцию почтил своим присутствием городской пристав. Он внимательно слушал докладчика и остался крайне недоволен. Обо всем увиденном и услышанном он тотчас доложил местному уездному исправнику, и уже через несколько дней официальный рапорт исправника лег на стол петербургского губернатора Александра Дмитриевича Зиновьева.

«Присутствовавший на лекции пристав г. Луги донес мне, что означенная лекция, прочитанная лектором С.-Петербургского общества народных университетов Н.Ф. Денисюк[2], отчасти носила тенденциозный характер, так как лектор, при каждом удобном случае, старался, возможно, ярче подчеркнуть как бы ошибки и недочеты правительства. Читая о влиянии капиталов на государственность вообще и на Россию, в частности, он старался доказать, что освобождение крестьян от крепостной зависимости якобы явилось последствием требований держав-кредиторов, из опасения ее несостоятельности при существовавшем в то время государственном строе. То же, по словам лектора, будто бы вынудило издать и манифест 17 октября».

Поясним, что пристав имел в виду манифест 17 октября 1905 года, подписанный Николаем II под крайним давлением общественности. Согласно нему, государь император обещал ввести в стране свободу слова, совести собраний, союзов и печати.

От этих тем лектор перешел к феодалам и феодальному праву, а затем, по мнению пристава, начал уклоняться от намеченной программы, говоря о беспорядках 1904 года и о признании правительством собственной несостоятельности «ввиду потери доверия народа». Увидев в этих рассуждениях опасную крамолу, пристав более не мог терпеть и направился к лектору, дабы прервать его речь. Однако, по словам пристава, его опередили. Это сделал председатель Лужской комиссии С.-Петербургского общества народных университетов Ефимов. В результате конец лекции оказался скомканным и невыразительным.

В прочитанном докладе лужский пристав углядел не просто антигосударственную крамолу, но и заранее продуманный умысел. Особенно его возмутило то, что «на лекции находилось много воспитанников реального училища г. Луги, которым было предложено занять свободные первые ряды и которым лектор, видимо, желал особо уяснить то, что составляло уклонение от программы. О сем, ввиду того вредного влияния, которое такие лекции могут произвести на учащуюся молодежь, я счел долгом довести до сведения г. директора реального училища».

Сделаем небольшое отступление для краткого пояснения: С.-Петербургское общество народных университетов было основано в 1906 году по инициативе группы ученых и общественных деятелей. Оно ставило задачу содействовать работающим людям в получении систематического образования. Общество организовывало чтение лекций по различным циклам: естествознанию, медицине, истории и культуре, литературе, общественно-юридическим наукам и философии. В его рамках работали также курсы новых языков, выразительного чтения, театральные, политехнические, коммерческие и бухгалтерские, стенографов, санитаров, дезинфекторов, а также народная консерватория и школа грамотности. В год читалось до 550 лекций.

Среди преподавателей Общества были петербургские ученые, артисты и музыканты. К 1910 году Общество объединяло около 1200 человек. В совет Общества входили такие известные в Петербурге личности, как и ученый В.М. Бехтерев, а также нумизмат и археолог граф И.И. Толстой, занимавший в 1905–1906 годах пост министра народного просвещения, а потом, в 1912–1912 годах, являвшийся городским головой Петербурга-Петрограда.

В составе Общества действовало много комиссий – естественно-историческая, медицинская, литературная, общественно-юридическая, физико-математическая, музыкальная, театральная, издательская. Кроме того, в 1909 году в составе Общества возникла экскурсионная комиссия, которая оказалась на особом контроле у полицейских властей. Дело в том, что ее председателем являлся бывший член «Народной воли» Михаил Васильевич Новорусский – участник покушения на Александра III, приговоренный когда-то к вечной каторге и сидевший до 1905 года в «Русской Бастилии» – Шлиссельбургской крепости. Летом 1910

[2] Николай Федорович Денисюк – литературный критик и публицист.

года он руководил экскурсией пятидесяти слушателей народных университетов в Финляндию и, как доносил участвовавший в поездке «стукач» – осведомитель охранки, в течение двух дней вел с экскурсантами беседы на темы, носившие вовсе не краеведческий характер.

К самому экскурсионному делу полицейские власти тоже не питали особенных положительных чувств. Им все время казалось, что под маской туризма скрываются «враги государства», ведущие разрушительные антиправительственную пропаганду. В июле того же 1910 года в записке петербургского охранного отделения в Департамент полиции Министерства внутренних дел указывалось, что оздоровительные экскурсии слушателей народных университетов являются ни чем иным, как одним из способов пропаганды идей социализма, поскольку «во время коих пропаганда ведется совершенно свободно вследствие отсутствия бдительного надзора полиции»…

Одним словом, происшествие во время лекции в Луге в ноябре 1910 года стало еще одним «сигналом» для властей, говорившим о потенциальной «политической неблагонадежности» С.-Петербургского Общества народных университетов. Поэтому, когда вскоре, в декабре, в Луге назначили очередную лекцию Общества народных университетов, местный исправник запретил ее проведение. Председатель Лужской комиссии Общества народных университетов Владимир Федорович Ефимов, служивший преподавателем законоведения в местном реальном училище, подал ходатайство о разрешении лекции самому петербургскому губернатору Александру Зиновьеву, но получил официальный и весьма категоричный отказ.

Видя сложившуюся непростую ситуацию, Ефимов обратился напрямую к губернатору, поскольку был лично знаком с ним, а поэтому рассчитывал на его понимание и просил дать ему возможность оправдаться и восстановить поколебленное доверие.

«Ничего возмутительного по содержанию лекция в себе не заключала, – уверял он, – никакого вмешательства со стороны полиции не было. Было же вмешательство с моей стороны, так как лектор оказался бездарным, читал крайне скучно, не выполняя программы, что меня крайне раздражало, стал запутываться в мелочах. Я не выдержал и, остановив его изложение, попросил его уделять больше внимания крупным вопросам программы. Лектор же, обидевшись моим вмешательством, коснулся вкратце проекта подоходного налога и прекратил свою лекцию получасом раньше, чем предполагалось. Вот и все, что произошло».

Владимир Ефимов сообщал губернатору, что отныне организацию лекций, «несмотря на симпатичность для меня этого культурного дела», он теперь предоставит другим лицам: «Слишком уж много неприятностей и затраты нервной силы, но я считаю вопросом своей чести восстановить между нами те отношения взаимного доверия и уважения, которые, казалось, между нами существовали».

Буквально через неделю петербургский губернатор Зиновьев отправил ответ в Лугу. Он успокоил Владимира Федоровича, что резолюция о запрете лекции, выдержанная в крайне резких тонах, – не более чем недоразумение, виной которого явился недосмотр канцелярии. Он просил извинения, что не успел лично ответить и поручил собственной канцелярии составить обстоятельный ответ, а та отправила шаблонную депешу, да еще и через исправника. Так что повода для беспокойства никакого нет.

«В данном деле, в неприятностях, Вами испытанных (которые, я позволю себе заметить, Вы слишком принимаете к сердцу), больше недоразумений, чем чего-либо иного», – отмечал губернатор. Вместе с тем он обращал внимание Владимира Ефимова на то, что донесение исправника все-таки не являлось лживым, поскольку оно, в принципе, совпадало и с оценками самого Владимира Федоровича.

«Действительно, ученикам не к чему слушать такого рода лекторов, – писал губернатор. – Надеюсь, многоуважаемый Владимир Федорович, что таким образом инцидент исчерпан. Жму Вашу руку и остаюсь искренно Вас уважающим и преданным».

Письмо губернатора Зиновьева являлось заключительным документом в архивном деле, посвященном этому «лужскому казусу». Поскольку переписка по этому вопросу прекратилась, можно предполагать, что досадный инцидент, действительно, был исчерпан. «Скучный» лектор посрамлен, честь полицейского мундира осталась на высоте, а доверительные отношения между столичным губернатором и лужским преподавателем законоведения восстановлены. Впрочем, надолго ли? Увы, об этом остается только догадываться…

«Люди с ружьем»

Какими только делами ни приходилось заниматься канцелярии петербургского губернатора в давние времена! Одно из них, сохранившееся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, звучит остро и весьма интригующе: «О выдаче разрешений на право приобретения и хранения оружия». Датировано оно 1908 годом.

В государстве в те годы только-только наступило временное успокоение, однако память о революционном вулкане прошедших лет была еще очень свежа. Одним словом, жители Петербурга и губернии, опасаясь за свои жизни, хотели вооружаться, а для этого требовалось особое разрешение.

Право носить оружие просили чиновники, которым приходилось ездить в глухие уголки губернии и возвращаться домой поздно ночью, сторожа, охранявшие пустынные зимой дачные поселки. Вот и отсылались депеши в канцелярию губернатора. Там подобные прошения проходили через сито жесткого отбора: дать в руки оружие можно было только тем, кто не скомпрометировал себя «как в нравственном, так и в политическом отношении».

К примеру, главный контролер Николаевской железной дороги, обращаясь к губернатору, просил разрешить приобрести и хранить револьвер помощнику контролера титулярному советнику с красивой греческой фамилией Минервин. Жительствовал Минервин на станции Поповка, а оружие требовалось ему «ввиду частых командировок на линию Николаевской железной дороги по делам службы».

Однако все оказалось не так просто. Канцелярия губернатора отвечала, что «в силу распоряжения Департамента полиции выдача разрешения на ношение и хранение оружия служащим всякого рода железнодорожных установлений производится губернатором не иначе как по соглашению с местным начальником Жандармского полицейского управления железных дорог».

Тот рассмотрел прошение и наложил резолюцию: «особых оснований на выдачу г. Минервину свидетельства на право приобретения и ношения револьвера я не вижу». Прошел еще месяц, и на вопрос «почему» жандармский начальник дал ответ: «Указанное лицо, по моему мнению, не может рассчитывать, что на него могло бы быть произведено какое-либо покушение, так как оно не может, по обязанностям своей службы, иметь надобности ездить ночью».

По-видимому, жандарм считал, что на железной дороге и так достаточно вооруженных людей. Согласно «Положению об охранной страже Николаевской железной дороги», утвержденному в том же 1908 году, эта стража имела военную организацию: она делилась на роты от 150 до 200 нижних чинов в каждой, роты – на взводы, взводы – на отделения.

В охранную стражу принимались только русские подданные в возрасте от 24 до 50 лет, «обладающие здоровым телосложением, исключительно из отставных и запасных строевых нижних чинов». От них требовалось «умение читать и писать, общее развитие и полное умение владеть ручным огнестрельным оружием».

«Стражник всегда должен помнить, – указывалось в «Положении», – что служба в охранной страже Николаевской железной дороги есть такое же служение истинным интересам государя и родине, как его действительная служба в рядах войск. Стражник, как вся-

кий воинский чин, должен быть беспредельно предан государю и отечеству, беспрекословно подчиняться начальству, добросовестно исполнять свои обязанности, терпеливо и стойко переносить все тяготы службы и быть храбрым, когда это вызывается обстоятельствами и когда он должен будет защищать с оружием в руках интересы государя и родины».

Одним словом, «людей с ружьем» на железной дороге и так хватало. Так что остался титулярный советник Минервин без револьвера. Не разрешили иметь ружье и сторожу Ивану Стариченко, жительствовавшему в деревне Христиновке Рябовской волости Шлиссельбургского уезда. Его прошение от 22 января 1908 года, написанное каллиграфическим почерком, также сохранилось в архивном деле. Необходимость иметь ружье-дробовик он объяснял следующим образом: «Занимая в настоящее время должность сторожа и лесника на новых местах за пороховыми заводами по Ириновской железной дороге, на станции Христиновка, в местности, изобилующей проходимцами, и поэтому находясь в опасности, так как дачи, находящиеся под моим присмотром, отстоят от проезжей дороги более версты».

Однако в просьбе отказали: проверка Ивана Стариченко на «благонадежность» выявила недавние прегрешения. Как оказалось, совсем недавно, в 1906 году, во время волнений в петербургских окрестностях, сторож был замешан в каком-то темном деле и даже устроил пальбу. Резолюция полицейского исправника, наложенная 22 февраля 1908 года, гласила: «Ходатайство Стариченко не заслуживает уважения»…

А вот переездный сторож 11-й версты Балтийской железной дороги крестьянин Еким Петров подозрений властей не вызывал. Поэтому его просьбу иметь оружие сразу же удовлетворили. Начальник Петергофского отделения жандармского полицейского управления Северо-Западных железных дорог доносил петербургскому губернатору: «Переездной сторож, крестьянин Еким Петров за время служения в районе вверенного мне отделения с 1 мая 1892 года ни в чем предосудительном замечен не был, препятствий к выдаче ему свидетельства на право приобретения, хранения и ношения при себе оружия не встречается в виду того, что будка, в которой проживает Петров, находится в лесистой и глухой местности».

И действительно, через некоторое время Екиму Петрову выдали разрешение «хранить и носить при себе охотничье двухствольное ружье». Оно (конечно же, разрешение, а не ружье) тоже осело в недрах канцелярии петербургского губернатора.

Впрочем, не желая вооружать чиновников и сторожей, власти боялись не только революционных или других антиправительственных диверсий, сколько самого банального браконьерства. Недаром в конце апреля 1908 года петербургский губернатор отправил строгую депешу ямбургскому уездному исправнику: «По дошедшим до г. Губернатора сведениям, население Ямбургского уезда располагает значительным количеством огнестрельного оружия, в большинстве случаев без надлежащего разрешения, следствием чего является широкое развитие браконьерства». Посему губернатор требовал немедленно произвести тщательное расследование и, по обнаружению оружия, хранящегося без разрешения, таковое сразу же конфисковать.

«Акция» по «разоружению» населения продолжалась целое лето и, как можно видеть, результаты дала довольно слабые. В конце августа того же 1908 года ямбургский уездный исправник сообщал губернатору: «На основании отношения от 30 апреля были произведены обыски в указанных деревнях, и результатом было отобрание 20 ружей». Негусто, прямо сказать…

От браконьерства страдал не только Ямбургский уезд. Не лучше обстояло дело и в Царскосельском уезде. Так, в январе 1910 года, как сообщал пристав 2-го стана Царскосельского уезда, «благодаря образовавшемуся на снегу насту, затрудняющему ход лося и облегчающему ход на лыжах, браконьерами происходило избиение лосей. Крестьянами деревень Низовки, Луги и Чащи убито за эти дни три лося и, если не принять энергических мер, в этом районе масса лосей будет истреблена».

Крайне обеспокоенный происходящим, начальник Императорской охоты, егермейстер генерал-лейтенант князь Голицын обращался с просьбой к петербургскому губернатору, дабы тот разрешил приставу «отобрать ружья у крестьян вышеназванных и соседних деревень». «Это единственная мера, которая может прекратить браконьерство и спасти эту местность от полного уничтожения лосей», – призывал Голицын…

Что можно и нельзя городовому

«Городовой есть блюститель порядка и благочиния и страж, оберегающий личность и собственность каждого», – такими словами начиналась «Инструкция для городовых Новоладожской городской полицейской команды», изданная в 1914 году. Городовому надлежало выступать не только охранителем спокойствия, но и образцом порядочности, честности и ревностного отношения к службе.

Итак, городовой должен был «приказания своего начальства исполнять с точностью и быстротой», «вести жизнь честную и трезвую, ни в чем не зазорную, соблюдать опрятность и быть всегда одетым по форме», «быть правдивым и ни под каким видом не позволять себе делать ложный доклад начальству». Стражам порядка вменялось в обязанность не только наблюдать за сохранением «приличия и благопристойности», но и самим подавать пример в этом отношении не только по службе, но и вне нее.

Городовому не разрешалось заводить знакомства с людьми, которые пользовались дурной славой, а также входить в «неоплатные долги», чтобы не быть в зависимости от кого бы то ни стало. А главное, стражу порядка надлежало «заботиться о добром имени и чести своего звания». Городовому следовало быть идеальным защитником народа и закона – быть наблюдательным, храбрым, деятельным, всегда сдержанным и хладнокровным, «распоряжаться быстро, но спокойно, не шумя и не крича без толку». Не правда ли, о таких стражах закона мы мечтаем и сегодня?..

Все требования об исполнении закона или распоряжений начальства городовому следовало предъявлять публике спокойно и вежливо, но вместе с тем твердо и настойчиво. В споры и пререкания ему вступать не разрешалось. «Суетливость, оскорбительное обращение и резкость в словах или действиях вредят делу и унижают достоинство городового», – говорилось в инструкции.

На улицах и площадях городовому следовало «не дозволять играть на гармониках и других инструментах, а также петь песни; не допускать бесстыдных или соединенных с соблазном для других действий, а равно отправлять естественные надобности на тротуарах и улицах, в особенности же днем и на виду публики». Страж порядка должен был отправлять в полицию мужчин-ловеласов, вина которых состояла в том, что они «назойливо приставали или оскорбляли проходящих женщин», а также «всех нищих, просящих подаяние по лени и привычке к праздности, а равно с дерзостью».

Что же касается политики, то и здесь городовому следовало оставаться начеку: о возникновении тайных обществ и собраниях таких обществ страж порядка должен был немедленно докладывать вышестоящему начальству. Городовой следил, чтобы без разрешения начальства никто не смел расклеивать объявления и афиши, а также раздавать на улице «объявления, брошюры и бумаги, к распространению не разрешенные». Если же объявления развешаны с позволения начальства, то городовой стоял на страже: он должен был наблюдать, чтобы никто из посторонних лиц не смел срывать расклеенные объявления и афиши.

Согласно «утвержденного мнения» Государственного совета от 31 января 1906 года, количество городовых определялось из расчета не более одного человека на 400 душ населения. Спустя уже несколько лет стало очевидным, что такого количества чинов полиции недостаточно для охраны общественного спокойствия и порядка.

В начале сентября 1912 года вице-губернатор Петербурга и столичное губернское правление отправили срочную депешу всем губернским уездным исправникам. В ней они требовали представить самые точные сведения о количестве городовых и полицейских постов и сообщить, «не несут ли указанные полицейские чины, вместо или наряду с прямыми их обязанностями, еще какой-либо другой службы»?

Вскоре со всех концов губернии посыпались рапорты. Уездные исправники жаловались, что работы много, а городовых мало. Иногда это приводило к самым печальным последствиям: добропорядочные граждане оказывались беззащитными перед лицом злоумышленников.

Так, именно малочисленностью местной полицейской команды объяснял вопиющее происшествие в Нарве (она относилась тогда к Петербургской губернии) начальник петербургского почтово-телеграфного округа. В ту злополучную апрельскую ночь 1913 года женщина-чиновник, работавшая в Нарвской почтово-телеграфной конторе, шла из своей квартиры на Ивановской стороне (ныне Ивангород) на службу. На пустынной улице она подверглась нападению преступника, и только благодаря случайно оказавшимся поблизости бесстрашным прохожим злоумышленника удалось задержать и доставить в участок.

«Сообщая об изложенном и принимая во внимание, что чинам Нарвской почтово-телеграфной конторы каждые сутки приходится посещать ее и возвращаться домой в вечернее и ночное время, – говорилось в рапорте, адресованном петербургскому губернатору, – покорнейше прошу распоряжения Вашего сиятельства об установлении в Нарве постоянного полицейского поста вблизи почтово-телеграфной конторы».

Впрочем, нарвский полицмейстер вовсе не разделял этой обеспокоенности. Он, в свою очередь, сообщал в Петербург, что местность около почты спокойная, трактиров и пивных поблизости нет, а штата городовых для нового поста все равно нет…

Блюстителей стража порядка не хватало во многих городах Петербургской губернии. Так, в Новой Ладоге городская полицейская команда состояла из двенадцати городовых. Из них двое старших попеременно дежурили при полицейской гауптвахте, а остальные десять распределялись на четырех постах – на набережной реки Волхов, около базарной площади и уездного казначейства, на Николаевском проспекте и на мосту. А поскольку для четырех постов требовалось не десять, а двенадцать человек, то двое недостающих назначались из полицейских стражников.

«Количество городовых крайне недостаточно, – сообщал и ямбургский уездный исправник, – поскольку город, со всеми примыкающими и входящими в черту города эстонскими деревнями и заречной стороной, имеет шесть квадратных верст и населения около пяти тысяч человек».

Между тем по штату Ямбургу полагалось два старших и восемь младших городовых. Оба старших городовых несли дежурство на всех увеселительных мероприятиях, разносили пакеты, повестки и вообще выполняли все поручения по городу и около железнодорожного вокзала. Двое городовых посменно несли дежурство при арестантских камерах и канцелярии надзирателя для приемки арестованных, пьяных и других «сомнительных» личностей. Поскольку никакого особого сторожа в арестантских камерах не полагалось, то городовым приходилось нести не только свои непосредственные, но и посторонние обязанности – мыть камеры, топить печи и даже ходить за продуктами для арестованных.

«Дежурящие при арестантских городовые по вверенному мне уезду предназначены исключительно для целей караула и никаких подобных обязанностей не несут», – уверенно отрапортовал шлиссельбургский уездный исправник. А вот его лужский коллега вынужден был признать, что во вверенном ему городе чинам полиции приходится заниматься и посторонними делами.

В Луге вообще сложилась любопытная ситуация. По сообщению местного исправника, штат городовых лужской полиции состоял из девятнадцати человек, из них шестнадцать обеспечивало дежурство на восьми существовавших постах – семи наружных и одном при арестантских камерах, через которые за год «за разные преступления и проступки» проходило около четырех тысяч (!) человек.

«На постовых городовых, ввиду малого штата, – отмечал лужский исправник, – помимо постовой службы возлагаются дежурства в двух кинематографах ежедневно, в пяти выездных сессиях С.-Петербургского окружного суда и т. д., во время призыва новобранцев, в церквах во время богослужения, на ярмарках, в театре, цирке и садах. Всего таких дежурств в течение года насчитывается до 1522, почему некоторые посты на время таких дежурств остаются совершенно без городовых. Что касается старших городовых, которые занимаются в канцелярии пристава, то это обстоятельство вызвано в силу большого поступления разного рода переписок и крайне ограниченных средств, получаемых приставом на канцелярские расходы и наем письмоводителя.

Помимо всего изложенного, на старших городовых и на постовых возлагаются вручения разного рода окладных листов, которых в течение года поступает до пяти тысяч экземпляров, что главным образом отвлекает городовых от исполнения чисто сторожевой службы и вызывает неудовольствие обывателей, в особенности дачников. Их прибывает каждое лето в пределы Луги до трех тысяч человек. Не видя на постах городовых, они обвиняют чинов полиции в слабом надзоре и нераспорядительности, предполагают неявку городового на пост распущенностью».

А ведь дело было вовсе не в распущенности: чинов полиции в Луге просто не хватало. Посему исправник просил увеличить штат городовых лужской городской полиции до 36 человек – «дабы возможно было установить десять самых необходимых постов по три смены в сутки». Кроме того, увеличение штата городовых требовалось, как указывал исправник, «в целях пресечения развития хулиганства среди населения, о чем мною уже было возбуждено ходатайство перед лужской городской управой, но последней в увеличении штата городовых было отказано».

В апреле 1914 года лужская управа, желая сберечь казенные деньги, предложила взамен увеличения штата городовых учредить на летний сезон дюжину постов летних ночных сторожей. Местная Городская дума согласилась с этим и отложила вопрос об увеличении полицейского штата еще на год. Его предполагалось ввести с января 1915 года. Но в августе, как известно, началась Первая мировая война. Государству вновь пришлось экономить: все подчинялось военным нуждам…

«Полицейский чин обязан обладать…»

Сегодня порой принято с ностальгией говорить про старые добрые времена дореволюционной России. Мол, и полиция тогда была, – говоря хрестоматийными лермонтовскими словами, обращенными, правда, к молодым солдатам-новобранцам, «не то, что нынешнее племя, богатыри, не вы…».

Однако, какой же она была, полиция в прежней России? В советские времена рисовали яркий образ полицейского-держиморды, который руководствовался только одним принципом: «Держать и не пущать». Или другая крайность: полицейский представал вечно пьяным типом, беспечным и равнодушным, любыми путями отлынивавшим от профессиональных обязанностей.

Источников, где можно почерпнуть сведения о полиции столетней давности, очень много. Один из них – в моих руках. Это циркуляр почти столетней давности, от 16 сентября

1911 года, который петербургский губернатор направил исправникам и полицмейстерам «на местах». Документ этот сохранился в одном из фондов ЦГИА Санкт-Петербурга.

Гневное письмо губернатора было вызвано известием о том, как неподобающим образом повели себя некие (неназванные в документе) чины полиции в губернии, не сумевшие, а то и вовсе не пожелавшие справиться с буянившим хулиганом, нарушавшим тишину и порядок. Рапорты о происшествии дошли до столичного губернского правления и попались на глаза губернатору. Что же его особенно возмутило?

Во-первых, «присутствовавший при означенном происшествии урядник из другой местности не оказал никакой помощи местным полицейским чинам, в его содействии, как это видно по всей обстановке дела, несомненно нуждавшимся». И, во-вторых, «указанное выше лицо (имеется в виду буянивший нарушитель порядка. – *С. Г.*), при попытке его арестовать, выхватило у одного из городовых шашку и, размахивая ею, стало наступать на них, причем городовые бросились бежать». А вот это уже – совсем позор для стражей закона…

Губернатор указывал, что подобное безучастное отношение полицейских чинов к нарушению порядка – недопустимо, а ссылка на то, что это происходит «не в их участках», совершенно неосновательна и «доказывает только неуяснение ими духа и значения своих обязанностей». А посему, требовал губернатор в своем циркуляре, чины полиции должны исполнять обязанности своей службы во всех случаях, когда это требуется, «не только приходя на помощь своим сотоварищам, но и проявляя собственный почин».

«Единение полиции при исполнении службы – прямой залог успешности ее действий», – указывал губернатор применительно к первому обстоятельству скандала. Что же касается второго факта, когда обезоруженные городовые позорно бежали, то тут губернатор был предельно откровенен: «Подобного рода явления трусости городовых я считаю еще менее допустимыми». А возможны они лишь при «неудовлетворительном подборе служебного персонала».

«Полицейский чин, помимо всех других качеств, обязан обладать ловкостью, храбростью, настойчивостью и решительностью в своих действиях, – читал мораль губернатор своим нерадивым подчиненным, – а свои требования предъявлять и поддерживать со всемерной решительностью, прибегая в случаях необходимости, когда никакого другого способа не остается, к оружию. В противном случае авторитет полицейской власти неминуемо падет, а с ним падет и уважение к требованиям полиции со стороны обывателя, после чего трудно уже будет поддерживать порядок и спокойствие в населении».

Спустя месяц после подобного разгромного циркуляра пристыженный ямбургский уездный исправник отвечал петербургскому губернатору: «Все приказания и указания Вашего сиятельства, преподанные в предписании от 16 сентября за № 851, мною неоднократно были отдаваемы в приказах, но тем не менее относительно службы городовых в городе Ямбурге вопрос находится в очень неудовлетворительном состоянии».

А далее исправник популярно объяснял губернатору, почему в имевшихся условиях нет никакой возможности обеспечить качественный состав полицейской команды. По его словам, жалование слишком маленькое, а потому приходится довольствоваться теми, кто готов служить за эти скромные деньги…

По словам исправника, городовой команды города Ямбурга получает в месяц 17 руб. 90 коп. и больше никакой материальной помощи от государства не имеет, более того, из его жалования вычитается 2 руб. 10 коп. на обмундирование.

«При вступлении в должность исправника я застал следующий обычай, – возмущенно повествовал исправник, – перед Новым годом и Пасхой городовые ходят целой толпой по местным лавочникам и, поздравляя с праздником, буквально выклянчивают гривенники и двугривенные, которые очень мало кем и даются. Обычай этот я тотчас запретил, но видя прямо-таки горе городовых, лишившихся дополнительных трех-четырех рублей, нужны им

прежде всего на сапоги, я вынужден был из чисто нравственных побуждений сразу же отменить свое распоряжение».

А ведь понять городовых тоже было можно!

«При нынешней на все дороговизне, за 17 руб. 90 коп. нанять квартиру, есть, пить, одеваться и содержать семью невозможно, – признавался исправник. – Вот почему хороший служака, на которого можно было бы положиться во всех отношениях, в полицию не идет.

В результате же городовыми три-четыре человека поступают местные домовладельцы или мастеровые, которые служат по долгу и составляют кадр городовых, так как в свободное от службы время извлекают доход из своих огородов или от своего ремесла. И мне нередко с крыши кланяется какой-нибудь оборванец: оказывается, городовой, состоит или маляром, или плотником, и вот, имея такой источник доходов, жалованье городового служит им подспорьем, и они охотно и отлично служат».

Такие «случайные» городовые служили спустя рукава, а найдя себе новую, более денежную работу, тут же увольнялись из полиции. А потому в команде городовых города Ямбурга – всегда свободные вакансии.

Надо отдать должное: перед столичным губернатором ямбургский исправник был предельно откровенен. По его словам, хотя в приказах постоянно указывает, что «лучше не иметь никакой полиции, чем полицию с самыми отрицательными качествами», желающих поступить на должность городового очень мало! Между тем, потребность в них весьма велика: надо «окарауливать» арестантов, сопровождать их в тюрьму, арестный дом, к следователю, городскому судье, земскому начальнику, требуется разносить по городу повестки, объявления, производить обыски, усмирять буянов и т. п.

«Считаясь с такой нуждой в городовых, приходится принимать первого попавшегося, даже не справляясь о его нравственных качествах, – сетовал исправник, – и результат получается самый скверный: все время приходится делать представления о предании городовых суду». За один только сентябрь 1911 года пришлось привлечь к суду двух городовых – одного за пьянство, причем совместное с арестантами, которых он караулил (!), другого – за того, что проворонил арестованного, и тот сбежал…

Говоря о своих бедах, ямбургский исправник обращал внимание губернатора и на достойную альтернативу: всего в двадцати верстах от Ямбурга, на нарвских фабриках (тоже – Ямбургского уезда!), положение городовых – совсем иное. Здесь им предоставляется готовая неплохая квартира с отоплением, электрическим освещением, баня, бесплатная для всей семьи, школа, больница, «экономическая лавка», читальня и т. п. И кроме того – обмундирование за казенный счет, награды к праздникам – от администраций фабрик. Да и жалование повыше – 22 руб. в месяц.

«Сюда я могу привлечь лучших людей и при комплектовании имею самый широкий выбор, в этих людям я могу быть уверен и принять за их службу ответственность», – резюмировал исправник города Ямбурга.

В том же архивном деле сохранился еще один документ, датированный 2 декабря 1911 года. Это очередной циркуляр, адресованный уездным исправникам и полицмейстерам. Петербургский губернатор предписывал, что надо сделать, дабы повысить качество работы чинов полиции.

«Для успешности действий полиции нужна тесная связь между всеми ее чинами, – указывал губернатор. – Она может быть достигнута лишь путем строгого проведения начала иерархической подчиненности и зависимости всех действий полицейских чинов в порядке постепенности от одного лица – исправника или полицмейстера, от которого и должны исходить все распоряжения».

Следующее – нужен надлежащий подбор личного состава: «это существеннейшее условие правильного отправления службы». Отсюда вытекало конкретное распоряжение

губернатора: от всех исправников и полицмейстеров губернии требовалось в десятидневный срок представить «совершенно откровенную и подробную характеристику каждого из подведомственных им чинов и условия, в которые поставлена их служебная деятельность». Указанные сведения должны были включать характеристику общей пригодности к службе, служебные качества и недостатки, наличие инициативы, отношение к населению, семейное и имущественное положение…

Как видим, ситуация в полиции век назад была очень непростой. И дело было вовсе не в названии. Исторический опыт подсказывает простейшие умозаключения: полицейская служба – дело чрезвычайно ответственное, а потому без строгого отбора кадров – никак не обойтись. С другой же стороны, строгие критерии отбора предполагают и то, что человеку, принятому на работу в полицию, государство должно обеспечить достойный уровень жизни, платить жалование, которое позволит ему безбедно содержать семью. И тогда не будет он трудиться спустя рукава, отрываясь на строительно-огородные работы, да и у лавочников не будет клянчить лишний гривенник к празднику…

Борьба за нравственность

В прежние времена Ямбургский уезд пользовался в Петербургской губернии репутацией одного из самых «беспокойных» и, говоря языком полицейских отчетов, «неблагонадежных» в религиозном отношении. Здесь пытались свить гнездо всевозможные секты.

Вполне возможно, что их существование и не представляло серьезной опасности, однако в дореволюционной России, где церковь являлась одним из столпов государства, подобное вольнодумство воспринималось как покушение на общественные устои.

В фондах ЦГИА Санкт-Петербурга сохранилось немало документов, свидетельствующих о том повышенном внимании, которое проявляли власти к Ямбургскому уезду.

«Из имеющегося в производстве С.-Петербургской Духовной консистории дела о распространении в селе Котлы Ямбургского уезда и соседних с ним селениях, лжеучения, известного под именем штунды, между прочим, видно, что сектанты еженедельно, обыкновенно в субботу вечером, в числе 20–40 человек, устраивают религиозные собрания у крестьянской вдовы деревни Малый Конец Евдокии Ивановой, куда приглашаются и православные, – сообщалось в письме консистории, направленном петербургскому губернатору 18 июля 1897 года. – Или же собираются они у кого-либо другого, даже в другой деревне, особенно в Кикерицах.

Секта, кроме местных начетчиков, распространяется приезжими неизвестными лицами. Так, например, 6 января 1889 года в Котлы приезжали двое неизвестных, прилично одетых, мужчин, назвавшихся при опросе мещанами, прибывшими будто бы по торговым делам. Они целую ночь проповедовали у Михаила Федорова в деревне Малый Конец».

Несколько слов о том, что же такое штунда. Она представляет собой христианское движение протестантской направленности, получившее распространение в России в XIX веке, главным образом, в среде немецких колонистов, а также части населения южнорусских губерний. Однако постепенная эволюция богословских взглядов штундистов привела к принятию большинством их общин уже в начале 80-х годов XIX века баптистского вероучения.

Государство очень болезненно отнеслось к распространению этого учения: неслучайно 4 июля 1894 года положением Комитета министров Российской империи штундизм был объявлен «сектою особенно вредною в церковном и общественно-государственном отношениях», а последователям учения запрещалось собираться на общественные молитвенные собрания. Репрессии в отношении штундистов продолжались до высочайшего манифеста о веротерпимости 17 апреля 1905 года, когда инославные христиане получили право на свободу вероисповедания.

Как отмечают исследователи, собрания штундистов состояли из совместного чтения и последующего обсуждения Библии, молитв и хорового пения духовных песен. Большое внимание уделялось практическому применению принципов христианской морали в жизни, в связи с чем даже противниками штундизма в лице православного духовенства и представителей властных структур признавалась высокая нравственность большинства последователей этого движения.

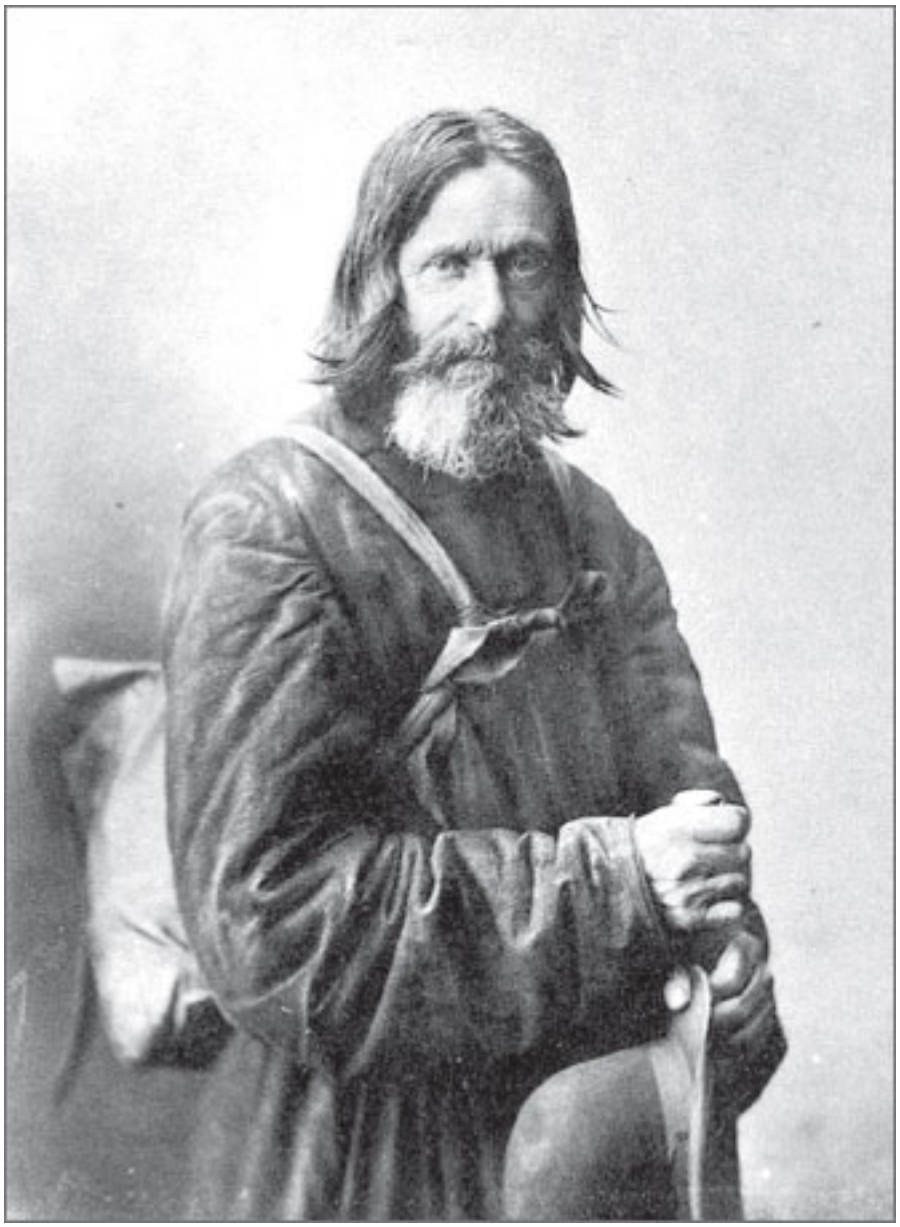
Вернемся, однако, к докладу С.-Петербургской Духовной консистории. Как отмечалось в нем, в деревне Малый Конец переход в секту усиливается, на сельских сходах слышны даже такие угрозы: «Как будет нас половина деревни, тогда уже будем делать, что хотим, тогда все наши будут».

«Все православные возмущены наглостью сектантов, которые, не скрывая, с резкостью говорили местному земскому начальнику, что они знать не хотят никакого православия, что они в церковь ходить не хотят и не будут», – говорилось далее в докладе. А потому консистория просила петербургского губернатора отдать распоряжение о запрете религиозных собраний сектантского характера, а также о «воспрещении произносить публичные угрозы православным при сельских сходах и об удалении неизвестных лиц, приезжающих в Котловский приход, для пропаганды лжеучения».

Спустя месяц губернатор подписал соответствующее распоряжение о недопущении религиозных сборищ сектантов в Ямбургском уезде. Спустя еще месяц ямбургский уездный исправник направил в петербургское губернское правление «протоколы дознаний о религиозных сборищах сектантского характера в Ополицкой и Котельской волостях», а также подписки тех крестьян, которые были замечены в сочувствии к сектантам.

Провинившиеся указывали в подписках, что предписание губернатора им объявлено и они «обязуются требование сие исполнять». Правда, как оказалось, «главные» ямбургские сектанты были неграмотными. К примеру, крестьянская вдова Евдокия Ивановна из селения Малый Конец, в доме которой проходили религиозные собрания, за неграмотностью смогла собственноручно поставить на расписке лишь три корявых крестика. Точно так же подписался и еще один «опасный сектант» – Михаил Ильин.

С тех пор прошло еще три года, и снова дела в Ямбургском уезде стали объектом пристального внимания со стороны С.-Петербургской Духовной консистории. Теперь, в 1900 году, шла речь «о принятии мер к уничтожению в Ямбургском уезде устраиваемых безнравственных собраний молодых людей обоего пола».



Странники, бродившие с посохом по бескрайним просторам России, – характерный признак русской религиозной жизни. Открытки начала XX века

Столичный епархиальный противосектантский миссионер Николай Булгаков донес епархиальному начальству, что в интересующем уезде в самых широких размерах действует «ночный конкубинат между деревенскими людьми обоего пола». Таким мудреным понятием, возникшем еще в Древнем Риме, обозначалось не что иное как сожительство мужчины и женщины без заключения брака.

Сегодня это явление, как известно, стало реальностью и особых возражений не вызывает, а зовется – «гражданским браком». Но тогда, когда нравы были гораздо более строгими, а на страже нравственности зорко стояла церковь, подобное воспринималось как нарушение всех мыслимых норм и приличий. Впрочем, то, что происходило в Ямбургском уезде, выходило даже и за пределы «гражданского брака». Скорее, это походило порой на нравы времен падения Римской империи…

«С этим явлением, противным чувству стыдливого целомудрия, простой народ так сроднился, что рассказывает о нем совершенно откровенно, – возмущался и негодовал миссионер Николай Булгаков. – Насколько оно здесь обычно и не возбуждает ни в ком недоумения, можно судить из следующего. В Сойкинском, например, приходе холостые крестьяне и девицы открыто нанимают сообща избу, в которой и собираются в длинные зимние вечера и ночи. В Котельском приходе матери семейств с гордостью даже рассказывают о своих дочерях-девицах, если последние особенно отличаются на поприще конкубината».

Миссионер Булгаков лично беседовал с крестьянами, дабы объяснить им греховность подобных поступков и «всю гнусность подобных отношений, существующих в среде их молодежи», однако те, по его словам, без тени смущения отвечали ему: «Что же делать?! И наши родители, и мы так поступали!».

Ознакомившись с докладом Булгакова, Духовная консистория обратилась к петербургскому губернатору с просьбой «признать возможным оказать содействие к ужесточению в Ямбургском уезде устрояемых безнравственных ночных собраний молодых людей обоего пола и о последующем не оставить уведомлением». Губернатор граф Толь воспринял все очень серьезно, и уже вскоре сообщал в консисторию, что предписал «принять меры к выяснению и прекращению указанного».

А вот – рапорт ямбургского уездного исправника, направленный в губернское правление 7 июля 1900 года, спустя почти два месяца после указания губернатора. «Имею честь донести, что меры против ночных собраний молодых людей обоего пола в деревнях приняты становыми приставами, – сообщал исправник, – которыми через волостные правления обязаны все сельские старосты не допускать вышеозначенных собраний, лица же, замеченные в неисполнении сих распоряжений, будут преследоваться законом».

Меры, действительно, были приняты. Земский начальник также сообщал в губернское правление: «Должностным лицам волостного и сельского управления вменено в обязанность содействовать искоренению существующего в этих местностях безнравственного обычая ночных собраний молодых людей обоего пола». Удалось ли искоренить «конкубинат» в Ямбургском уезде? Сложно сказать. У каждой избы ведь исправника не поставишь…

Как спасали Рюрикову крепость

Сегодняшний облик башен и стен легендарной Староладожской крепости, – в значительной степени, творение рук отечественных реставраторов второй половины XX века. Действительно, столетие назад, когда о древней крепости, которую тогда чаще называли «Рюриковой», уже вовсю начали говорить, она представляла собой живописные развалины. Это великолепно иллюстрируют уникальные цветные фотографии С.М. Прокудина-Горского.

«На остроконечном полуострове, омываемом Волховом и рекой Ладожкой, выдвинулась вросшая в землю зубчатая развалина из дикого камня, а сзади раскинулись холмистые зеленые поля», – говорилось в 1902 году в книге Е. Нелидовой «Русь в ее столицах», в томе, посвященном Старой Ладоге.

Крепость, немало пострадавшая от времени и войн, лежала в руинах уже к концу XVII века. Недаром, когда Петр I в 1699 году затребовал указом выписку из описных новгородских

книг о состоянии казенных зданий и имуществ, ему было сообщено о состоянии крепости в Ладоге следующее: почти все башни «сгнили, стоят без кровли и от мокроты сыплятся и валятся врознь», мосты все прогнили и провалились.

К сожалению, на протяжении двух веков ремонтно-восстановительными работами в Старой Ладоге практически никто не занимался. Дело дошло до того, что остатки старых стен стали грозить обрушением и представлять немалую опасность для окружающих – главным образом, для тех, кто шел на молитву в древнюю церковь Георгия Победоносца.

К тому времени храм также находился в печальном состоянии. По свидетельствам современников, вся штукатурка снаружи осыпалась и местами обвалилась, а крыша, рамы и пол почти совсем прогнили. Стекол во многих рамах не было, и оконные отверстия затыкались старинными холщовыми ризами. Фрески были покрыты слоем копоти и пыли. Медлить было больше нельзя, и в 1902 году, после поданного Николаю II прошения, удалось получить средства на ремонт храма Георгия. В июле 1904 года церковь освятили заново после ремонта – в самый разгар Русско-японской войны.

В фондах Строительного отделения столичного губернского правления, находящемся в ЦГИА Санкт-Петербурга, сохранилось любопытное дело под названием «О поддержании воротной башни и части стен крепости Рюрика в Старой Ладоге».

В нем, к примеру, можно найти рапорт гражданского инженера П. Пономарева, подготовленный им 23 марта 1906 года в упомянутое выше Строительное отделение. Он сообщал, что, согласно приказанию губернатора от 25 апреля 1903 года, буквально через два дня был произведен осмотр стены и башни Рюриковой крепости. Выяснилось, что еще в 1900 году Императорское Археологическое общество выделило деньги, в количестве четырехсот рублей, на укрепление прохода к церкви. Однако на стены башни и на саму стену, прилегающую к дороге, средств не отпустили – «за неимением» таковых.

«Денег для поддержания памятника старины в должном виде, по словам священника церкви Добровольского, не имеется, и на месте было условлено, что до исходатайствования им средств нужно нанять сторожа, следящего, чтобы в опасных местах не было скопления народу, – отмечал гражданский инженер Пономарев. – Башня и стена настолько в запущенном виде, что могут быть или разобраны для безопасности, или капитально ремонтированы для восстановления памятника. Сведений о поступлении каких-либо средств на должный ремонт до сих пор получено не было».

Так выглядела в 1909 году Рюрикова крепость в Старой Ладоге. Фото С.М. Прокудина-Горского

В июне того же 1906 года губернатор Санкт-Петербурга Зиновьев, обращаясь в Губернскую земскую управу, обращал внимание на то, что богомольцы, проходящие в Свято-Георгиевскую церковь внутри Рюриковой крепости, вынуждены рисковать своей жизнью, поскольку «висящие каменные глыбы на полуразвалившихся стенах крепости угрожают своим падением».

Губернатор напоминал, что в распоряжении Губернского земства есть средства на поддержание древних памятников истории, а потому настоятельно просил Губернскую земскую управу, по предварительному соглашению с Императорской Археологической комиссией, «распорядиться укреплением прохода к церкви внутри крепости Рюрика, а также стен и башни ее с последующим меня уведомлением».

Вид на село Старая Ладога, реку Ладожку и руины Рюриковой крепости. Фото С.М. Прокудина-Горского. 1909 год

По всей видимости, после запроса губернатора дело сдвинулось с мертвой точки, и уже в сентябре 1906 года Губернская земская управа рапортовала в Строительное отделение, что «работы по укреплению прохода в воротной башне и самой башне в Староладожской крепости производятся на средства губернского земства под наблюдением гражданского инженера Н.Ф. Романченко».

Управа аттестовала Николая Филипповича Романченко как прекрасного специалиста «по части памятников старины вообще и, в частности, хорошо знакомого с условиями Старой Ладоги».

Управа поручила Николаю Филипповичу «принять на себя ведение работ по временному укреплению прохода в воротную башню и самой башни и открыла на этот предмет кредит из губернских сумм в размере до 500 рублей». В свою очередь, Императорская Археологическая комиссия уведомила Губернскую управу, что с ее стороны нет никаких препятствий к производству ремонтно-восстановительных работ к Рюриковой крепости под наблюдением Романченко.

Часовня в руинах Воротной башни Рюриковой крепости. Фото С.М. Прокудина-Горского. 1909 год

Историк архитектуры, коллекционер, действительный член Археологического института Н.Ф. Романченко, действительно, был знатоком Старого Ладоги.

Кроме того, он был председателем Старо-Ладожского церковно-приходского попечительства. Восстановительные работы, проводившиеся в начале XX века в Рюриковой крепости и вокруг нее, были связаны в том числе и с его именем.

Руины Рюриковой крепости. Фото С.М. Прокудина-Горского. 1909 год

Так, именно он занимался ремонтом древней Георгиевской церкви. Как отмечает известный искусствовед Владимир Дмитриевич Сарабьянов, вопрос о необходимости научной реставрации церкви был остро поставлен еще одним из основоположников русской реставрационной школы академиком В.В. Сусловым в 1890-х годах, но отсутствие средств не позволило тогда же приступить к реализации этих планов. Только в 1902 году на выделенную государством субсидию в храме удалось провести ремонтно-реставрационные работы, контроль за которыми осуществляла Императорская Археологическая комиссия. Ее председатель граф А.А. Бобринский привлек для осуществления контроля инженера Н.Ф. Романченко.

С.М. Прокудин-Горский. Церковь Иоанна Предтечи на Малышевой горе. Старая Ладога, 1909 год

Ремонт Георгиевской церкви считали в ту пору как последним словом реставрационной науки и практики, однако в дальнейшем оказалось, что это утверждение было поспешным. Дело в том, что при ремонте использовался цемент, который к тому времени еще редко использовался при реставрации объектов старины. Между тем, как отмечает В.Д. Сарабьянов, в ходе работ 1903–1904 годов в Георгиевской церкви Старой Ладоги наружную обмазку полностью заменили на цементную штукатурку, а также установили новый цементный карниз под четырехскатную кровлю.

«Эти работы явились одним из первых и печальных опытов широкого применения цемента в архитектурной реставрации – его губительные последствия, проявившиеся уже в ближайшие годы, ликвидировались затем в течение нескольких десятилетий, – констатирует В.Д. Сарабьянов. – Одним из первых тревогу забил историк древнерусского искусства К.К. Романов, в мае 1916 года посетивший Старую Ладогу и Георгиевскую церковь. В его заключении говорится о разрушении цоколей стен и об отслоении цементной обмазки, которая «отпадает крупными кусками, обнажая осыпающуюся кладку». Внутри церкви им была отмечена повышенная сырость, а на фресках – налет плесени и выступавших кристаллов солей, которые были окончательно удалены лишь в ходе последней реставрации».

С.М. Прокудин-Горский. Монастырь Св. Николая Чудотворца. Старая Ладога, 1909 год

Впрочем, все это было потом, а тогда, в начале XX века, когда в короткий срок удалось возродить к жизни древний Георгиевский храм и возобновить пришедшую в полную ветхость деревянную церковь Дмитрия Солунского, Николай Филиппович Романченко торжествовал.

В ту пору он посвятил несколько своих книг Старой Ладоге, среди них – «Святыни и древности Старой Ладоги» (1902 г.), «Древности Старой Ладоги в памятниках зодчества» (1905–1906 гг.). Кроме того, Старой Ладоге посвящалась созданная им и отдельно опубликованная в 1905 году стихотворная поэма «по случаю закладки возобновленной, древней церкви св. Димитрия Солунского, в Старой Ладоге, 15 июля 1901 г.». В ней были и такие строки, навеянные древнерусскими балладами:

Была городом – была гордостью,
Стала поселком – стала бедностью.
Лишь одно у ней утешеньице
На конец дней ее, ей осталося:
Это древняя, всеми чтимая,
Церковь славная, в честь Георгия.
Рядом с ней стоит, что страдалица,
Церковь Димитрия, да Солунского.

А завершалась поэма жизнеутверждающими строками, повествовавшими о возрождении церкви Дмитрия Солунского:

Так совершилась работа сия,
Димитрия храм стародавний,
Снова засветится словно свеча,
В первой столице избранной!..

«Золотое дно археологии»

Хотя источником этого очерка и не стали материалы ЦГИА Санкт-Петербурга, он органично продолжает предыдущий сюжет о том, как спасали в начале XX века Староладожскую крепость.

Нам уже трудно представить, что еще относительно недавно крепость Старая Ладога выглядела совсем иначе, нежели сегодня. Ведь сегодня мы наблюдаем плоды деятельности ленинградских реставраторов 60-х, 70-х и 80-х годов прошлого века. До этого крепость представляла собой живописные руины, с давних пор привлекавшие археологов.

Научные раскопки в Старой Ладоге начались еще в XIX веке. В 1870–1880-х годах они велись под руководством известного археолога, военного историка, музейного работника генерал-лейтенанта Н.Е. Бранденбурга.

С 1909 года каждое лето начали вестись археологические раскопки на земляном городище, под руководством археолога Н.И. Репникова. «Снимают гряды с капустой и глубоко, до самого материка, раскапывают земляную насыпь», – рассказывал очевидец.

Продолжились раскопки и в советское время. В 1945 году в Старой Ладоге была создана научная музейно-археологическая база Ленинградского государственного университета. Как отмечал в конце 1940-х годов директор Музейно-археологического заповедника при ЛГУ Сергей Николаевич Орлов, археологические заповедники велись в заповеднике систематически, начиная с 1938 года, не считая перерыва, связанного с войной.

«Каменная крепость, остатки укреплений «земляного городища», образцы древнерусской архитектуры и живописи XII века, погребения предков славян – «сопки» и остатки древних жилищ, обнаруженных в земле, все эти памятники старины, взятые под охрану государства, давно привлекают внимание крупнейших ученых к городу-музею – Старой Ладоге, – говорилось в одной из газетных публикаций конца 1940-х годов. – Раскопки, которые велись на сравнительно небольшой глубине, позволили найти остатки деревянных сооружений – изб, конюшен и других хозяйственных построек, домашнюю утварь, орудия производства, относящиеся к VIII веку. Особый интерес представляют остатки сельскохозяйственных орудий – сохи и бороны, ткацкого стана, бондарных изделий, свидетельствующих о высокой в то время культуре производства».

Упомянутый С.Н. Орлов был автором небольшой книги о Старой Ладоге, вышедшей в свет в 1949 году. В ней рассказывалось об историческом прошлом Старой Ладоги, о ее значении в защите русской земли, о том, как через нее проходил великий путь «из варяг в греки». «Наша задача, – говорилось в книге, – превратить Ладогу в центр распространения исторических знаний о Приладожье, в место культурного отдыха трудящихся, в место изучения отечественной истории на величественных остатках прошлого».

Вообще, на личности археолога, историка, доктора исторических наук Сергея Николаевича Орлова (1906–1992) стоит остановиться подробнее. Еще до войны, учась на историческом факультете Ленинградского университета, он стал постоянным участником археологи-

ческих раскопок под руководством профессора В.И. Равдоникаса в Старой Ладоге. Ежегодно самостоятельно проводил обследования низовьев реки Волхов. Студенческая работа Сергея Николаевича «Древнейшие погребальные памятники Старой Ладоги» получила 3-ю премию на конкурсе среди лучших студенческих работ в 1941 году.

Когда началась война, он ушел добровольцем на фронт. Попал в окружение, был пленен, работал на литейном заводе близ Ганновера. В 1946 году смог вернуться в Ленинград, где получил направление на работу заведующим учебно-методической базой исторического факультета ЛГУ в Старой Ладоге, затем хранителем фондов музея-заповедника Старой Ладоги. Вел в это время научно-исследовательскую работу, проводил раскопки и изучение различных археологических памятников. В 1954 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Деревянные изделия Старой Ладоги VII–X вв.». С 1956 года и до самой смерти С.Н. Орлов работал преподавателем кафедры истории в Новгородском государственном педагогическом институте. Занимался историей древних славян, археологией и историей Новгорода и Старой Ладоги…

«Теперь Старая Ладога представляет большой село, вокруг которого раскинулись десятки колхозов, выращивающих богатый урожай, – говорилось в одной из газет в конце 1940-х годов. – В самой Старой Ладоге есть Дом культуры, электричество, кино, радио».

«4 июля 1949 года вновь начались археологические раскопки в Старой Ладоге, – сообщал в своей газетной заметке С.Н. Орлов. – В составе экспедиции принимают участие научные сотрудники Государственного Эрмитажа, Института истории и материальной культуры Академии наук СССР, сотрудники Ленинградского университета.

Группа студентов-археологов Ленинградского университета будет проходить здесь свою полевую производственную практику. Возглавляет экспедицию член-корреспондент Академии наук В.И. Равдоникас. Основные археологические исследования будут сосредоточены на «Земляном городище», то есть в центре древнейшей части города Старой Ладоги.

Большой интерес вызывает продолжение исследования городской улицы, относящейся к жизни города в IX–X веках. Проезжая часть улицы, мостовая была выстлана поперек лежащими чурками, а панель для пешеходов досками и продольными лежнями. Эта древнейшая традиция благоустройства улиц в древнерусских городах, как известно, продолжала существовать и позднее. Например, раскопками в Новгороде обнаружено до 17 рядов такой мостовой, которые лежат один над другим и отражают жизнь улицы в течение пяти веков – с X по XV столетие».

«Золотое дно археологии» – так называлась публикация в одной из ленинградских газет в самом конце 1940-х годов. Заместитель начальника археологической экспедиции старший научный сотрудник Эрмитажа Г.П. Дроздилов рассказал, что работа ведется одновременно в нескольких горизонтах, относящихся к VII–X векам.

«Первые страницы истории древнего города мы обнаружили в самом основании культурных отложений, достигающих трехметровой глубины, – объяснил Дроздилов. – Отрыты остатки двух обширных жилых домов, относящихся приблизительно к VI–VII векам… Внутри остатков жилищ и около них найдены предметы хозяйственной утвари: обломки посуды, частично украшенные резьбой – изображениями домашних животных и птиц, части ткацкого станка и многое другое.

В слоях, расположенных выше и относящихся к концу IX и началу X веков, поселение древних людей выглядело иначе. В это время здесь стояли небольшие дома, которые тесно примыкали друг к другу, образуя улицы. Хозяйственные постройки почти отсутствовали, так как основным занятием людей было ремесло.

Встречаются остатки деревянной мостовой. Как свидетельствуют раскопки нынешнего года, материалом для уличных настилов частично послужила обшивка корабля. На

одном из шпангоутов судна были найдены даже зарубки и редчайшее изображение человеческого лица с усами и бородой, представляющее большой научный интерес».

В те же годы интерес археологов привлекли и другие места на левом берегу Волхова. Как указывалось, при раскопках в двух километрах от Старой Ладоги были найдены остатки поселения людей, живших там за полторы-две тысячи лет до нашей эры. «Несколько дней назад раскопки начали проводиться внутри стены хорошо сохранившейся каменной крепости, основанной в 1114 году. По предположению, здесь существовали поселения более раннего периода, чем на Земляном городище».

Впрочем, несмотря на все находки археологии, в массовом сознании староладожская крепость оставалась великой тайной. Об этом свидетельствовала, к примеру, еще одна газетная статья тех лет – «Рюриково городище» (ее автор – А. Егоров).

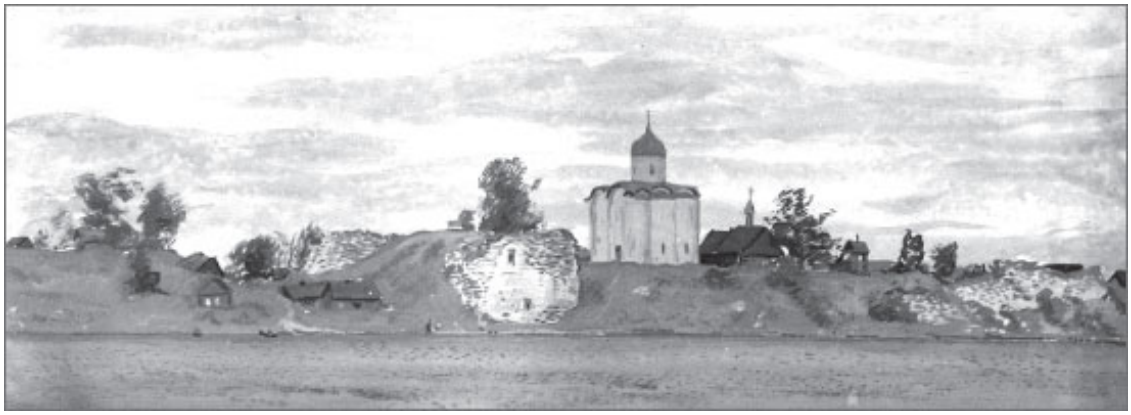
«На полпути от Волховстроя к городу Новая Ладога существует великолепный, но мало кому известный памятник русской старины – развалины «Рюрикова Городища»: они никем не охраняются, никто о них не заботится, и состояние их так печально, что через два десятка лет на месте руин останется только известковая труха да груды валунов…

От развалин веет романтикой Средневековья… В тихую ночь, когда робкие лунные блики скользят по бесформенным грудам башен, Городище кажется знакомой картинкой из полузабытой сказки. Но в осеннюю бурю Городище кажется неприветливым Совиным гнездом… Отдайтесь на минуту видениям прошлого, и сквозь мрачную сетку дождя вы увидите серые башни, за зубцами зашевелятся острые яловцы шлемов, а на белых гребнях волн почудятся несущиеся в пене, под ревущими парусами, боевые ладьи викингов».

* * *

Как же выглядела в ту пору Староладожская крепость?

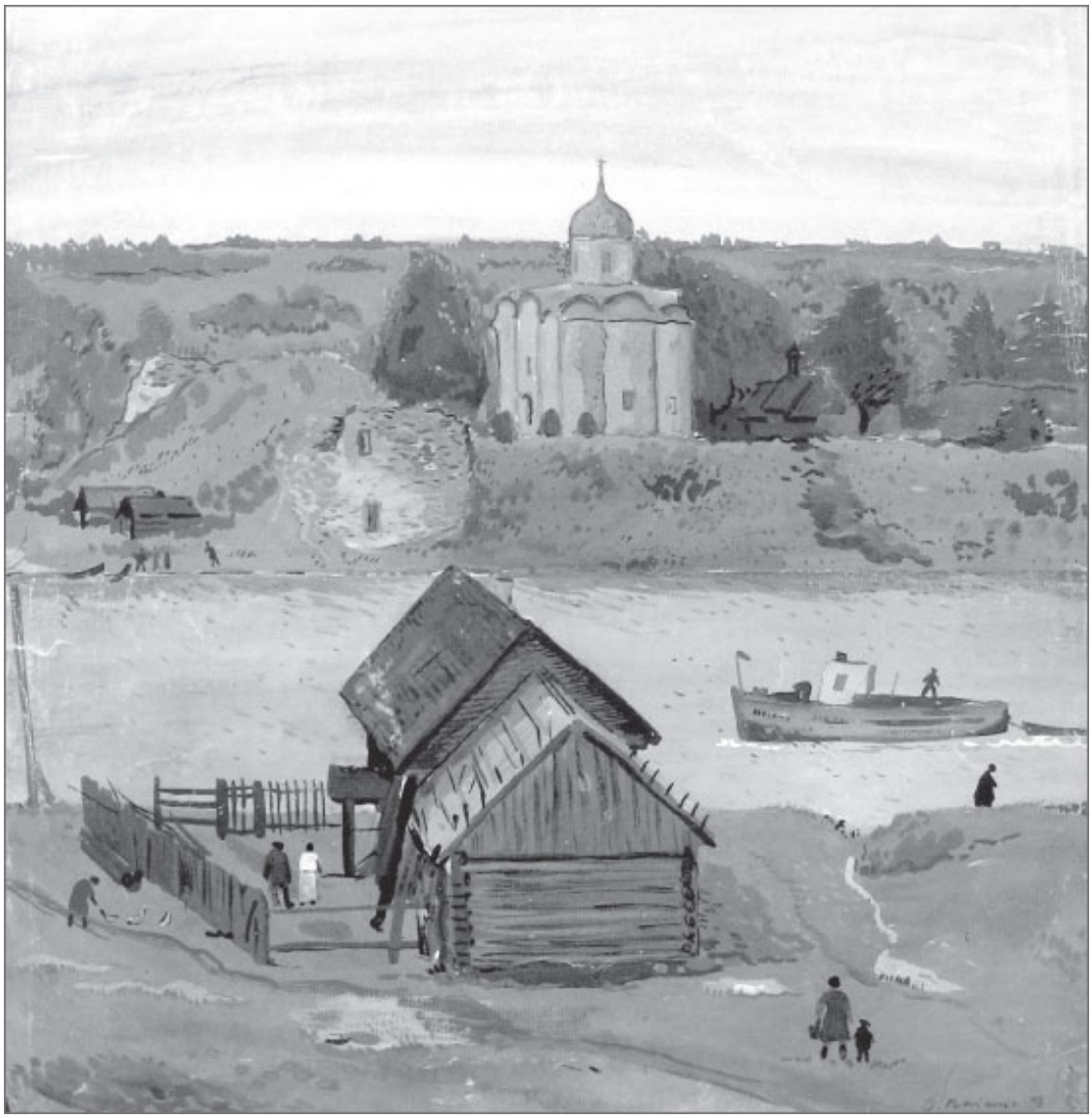
В конце 1940-х – начале 1950-х годов Старую Ладогу запечатлел художник Олег Алексеевич Почтенный, находившийся тогда в самом начале своего творческого пути. Сегодня его имя хорошо известно в художественной среде Петербурга. Рисовальщик, гравер, мастер акварели и рисунка, он знаменит своими работами, прославляющими Ленинград-Петербург. В течение полувека на берегах Невы не проходило ни одной большой выставки, где не были бы представлены его линогравюры. Однако с таким же полным правом Олега Алексеевича можно назвать и певцом Старой Ладоги.



Акварели О.А. Почтенного с видами Старой Ладоги, конец 1940-х – начало 1950-х годов

Сегодня его работы, обладающие очевидными художественными достоинствами, представляют еще и колоссальный исторический интерес: в них запечатлена та полуразрушенная крепость Старая Ладога, которую сегодня уже трудно представить.

Значительное количество работ Олега Алексеевича Почтенного, а также его архив хранится в семье художника, доцента Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена кандидата искусствоведения Александра Ивановича Мажуги и его супруги, художника и педагога Ксении Остаповны Почтенной – родной племянницы Олега Алексеевича.



Акварели О.А. Почтенного с видами Старой Ладоги, конец 1940-х – начало 1950-х годов

Есть в том архиве и тетрадочка с пожелтевшими страничками, в которую Олег Алексеевич вклеивал газетные вырезки, связанные со Старой Ладогой. Художник заполнял тетрадь без малого полвека: первые вырезки в ней датированы концом 1940-х годов, последние – серединой 1990-х годов. Кстати, именно эти газетные вырезки легли в основу предлагаемого очерка. Среди тех вырезок было и собственное письмо Олега Алексеевича, за подписью «учащийся Ленинградского художественного училища О. Почтенный», опубликованное, по всей видимости, в 1949 году, в одной из ленинградских газет.

Называлось оно «Сохранить память о живописце», а говорилось в нем следующее: «Известно, что выдающийся художник, академик живописи В.М. Максимов, чьи картины „Раздел“, „Лихая свекровь“, „Больной муж“ до сих пор экспонируются в лучших музеях страны, в том числе и в Третьяковской галерее в Москве, долгое время проживал на своей родине – в Чернавине. Здесь он написал лучшие свои картины из крестьянского быта.

В Чернавине, вблизи церкви, до настоящего времени сохранилась могила художника, который умер в 1911 году, но она находится в крайне запущенном состоянии. Могильный холм исчез, и лишь краткая надпись свидетельствует о том, что здесь покоится прах живо-

писца. Руководителям Чернавинского сельсовета необходимо обратить внимание на могилу своего земляка и восстановить ее»…

Первая встреча со Старой Ладогой состоялась у Олега Почтенного в 1947 году, когда художнику-графику было всего двадцать лет. «Эти места он полюбил с первого взгляда безоговорочно и навсегда, – вспоминал впоследствии брат художника Остап Алексеевич Почтенный. – Даже в те годы, когда он уже не бывал тут по житейским обстоятельствам, он собирал литературные и газетные материалы о Старой Ладоге, его живо интересовало, что там делается. На ленинградских выставках живописные работы, сделанные в Старой Ладоге, он воспринимал заинтересованно, оценивал ревниво и проникновенно осуждал неточности реалий».

Впрочем, были еще две причины, почему Олег Почтенный появился здесь. Во-первых, он отдыхал в Доме творчества художников, находившемся на противоположном берегу реки Волхов – в деревне Чернавино. А во-вторых, тесная дружба связывала его с сыном известного археолога, члена-корреспондента Академии наук СССР и академика Норвежской академии наук Владислава Иосифовича Равдоникаса – Феликсом. Дело в том, что в Ленинграде семейство Равдоникасов было соседями Почтенных – по дому № 58 на 11-й линии Васильевского острова.

Равдоникас-старший в годы юности Олега Почтенного возглавлял археологические раскопки в Старой Ладоге, а его сын Феликс принимал участие в первых опытах Олега Почтенного и Андрея Ушина в области печатной графики, за что чуть не пострадали от НКВД. «Спас их то ли возраст (дети еще!), то ли положение В.И. Равдоникаса, который, правда, вскоре сам был обвинен в „космополитизме“ и лишен всех постов», – отмечает Александр Мажуга.

Впоследствии Феликс Равдоникас стал всемирно известным мастером-реставратором духовых инструментов (скончался в августе 2011 года). Он сделал первые в СССР блокфлейты и флейты-траверсо, строил орган, клавесин, изобретал новые инструменты для театра и кино. Со временем Равдоникас отошел от музыкальной практики и занялся теорией, результатом более чем двадцатилетних исследований стала трилогия о музыкальном синтаксисе…

На протяжении всей жизни Олег Алексеевич Почтенный в своих гравюрах не раз обращался к своим прежним староладожским зарисовкам. По его словам, становление его мастерства гравера имело самое непосредственное отношение к староладожской теме.

Вот что сообщал сам Почтенный о своем творчества как мастера гравюры в письме к профессору Игорю Гавриловичу Мямлину 25 мая 1970 года (письмо хранится в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки): «Созданное в гравюре почти за 500 лет разнообразно, восхищает и неотделимо от развития всей художественной культуры. И, работая в живописи, рисунке, акварели, я обратился и к гравюрным техникам, а также и к гравюре на дереве. Это было в 1946 году. Доски самшитового дерева, штихели, процесс печатания – все это увлекало. Учителей в смысле техники у меня не было. До всего доходил сам… Начиная с 1950 года, пробовал работать над гравюрами, ставя определенные задачи. Натурные впечатления, почерпнутые при работе на природе, хотелось воплотить в гравюре на дереве. Вырезал несколько досок-кругов самшита – по мотивам архитектуры и природы Старой Ладоги…».

* * *

Между тем руины Рюриковой крепости, производившие столь романтическое впечатление, неумолимо разрушались. Произведенные в послевоенные годы обмеры позволили установить, что они понижаются приблизительно на полметра в десятилетие. Если бы все

оставалось как есть – спустя несколько десятилетий могло бы не остаться вообще ничего. И на смену романтической поэзии старины пришли масштабные реставрационные работы. В 1958 году начались капитальные работы по возрождению крепости – их поручили специальным научно-реставрационным производственным мастерским Леноблисполкома. Проект разработали специалисты мастерских А.А. Драге, А.Э. Экк и Г.Г. Носков.

Однако у многих ревнителей древностей реставрация крепости вызвала самые противоречивые чувства: возводимые башни и стены крепости они считали «новоделом», «подделкой».

«Подделка под древность» – именно так называлась критическая статья, опубликованная в ленинградской газете «Смена» в июле 1961 года. «Живописны развалины древней крепости, на территории которой находится Георгиевский собор… Чувство гордости за наших предков вызывают эти руины… На этом можно было бы поставить точку. Но на фоне древних руин в нещадных лучах солнца резким контрастом ко всему окружающему выступает возводимая здесь фундаментальная постройка непонятного назначения…». Как отмечал автор статьи, это «вопиющая нелепость»: для новгородского зодчества была характерна неправильность линий, скошенность углов, а тут все делают четко и правильно. Поэтому в возводимой новой-старой крепости нет признаков старины.

Против подобной «реконструкции» резко высказывался знаток этих мест, член-корреспондент Академии наук СССР Владимир Иосифович Равдоникас: «Нынешняя реконструкция не может быть отнесена ни к одному из вариантов древней крепости. Это вполне современная постройка. Непонятно, какое отношение она может иметь к русской старине?».

Спустя пять лет, в октябре 1966 года, в «Ленинградской правде» появилась еще одна критическая статья на ту же тему – под заголовком «Реставрация с огрехами». К тому времени уже была целиком закончена Воротная башня, покрытая тесовым шатром с дозорной будкой, отстроена часть стен, четко обрисовался цилиндр нижнего этажа Климентовской башни. Однако, как отмечал автор статьи, те, кто ведет реставрации объекта, уникального для Ленинградской области, очевидно, не понимают всей ответственности за свою работу. Ибо качество строительных работ страдает, ведутся они небрежно, с нарушением технологий, контролируются работы слабо.

«Сейчас в Старой Ладоге трудится бригада в пять человек, – отмечал автор публикации. – Заняты они тем, что исправляют огрехи. Строители XII века, судя по всему, работали без огрехов. Иначе время бы давно уже слизало крепость без остатка. Правда, они, те строители, заботились о прочности крепостных стен из чисто насущной необходимости своей эпохи: под боком были враждебные племена. Нынче никто крепости не грозит. Но разве чувство патриотизма и уважения к своей истории не является для нас необходимостью, такой же насущной?».

Спустя еще два года, в 1968 году, сообщалось о скором открытии в Старой Ладоги трех музеев. В Воротной башне – археологического, в здании церкви Дмитрия Солунского – этнографический. А в здании бывшей птицефермы, отремонтированной для музейных целей, должны была открыться экспозиция, рассказывающая о Старой Ладоге с XVIII века до наших дней.

Реставрация староладожской крепости. Фото около 1970 года

Тем временем археологические раскопки продолжались. В 1971 году на базе краеведческого музея был основан Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник – в 2011 году он отметил свое 40-летие. Под его защиту взяли не только весь комплекс – более 70 ценных памятников архитектуры и археологии, но и культурный слой древнего поселения, старинные урочища, курганы, природный ландшафт.

Как отмечал уже в середине 1980-х годов бессменный начальник Староладожской археологической экспедиции легендарный Анатолий Николаевич Кирпичников, «в процессе археологических раскопок удалось установить, что как город Ладога основана на сто лет раньше первого летописного упоминания о ней, а именно в середине VIII века». Вот отсюда и появилась дата – 753 год, не позже которой была основана Старая Ладога. Именно этим годом ученые датировали самое древнее из проанализированных бревен староладожских построек, найденных археологами. И эта дата никем не оспорена.

«Как бы много ни было сделано специалистами по открытию и сохранению исторических богатств Старой Ладоги, они и теперь, по образному выражению Николая Рериха, словно неотпитая чаша, – отмечает Анатолий Кирпичников. – Еще многие поколения будут восхищаться ее великим культурным наследием, как уже открытым, так и еще неизведанным. Когда я впервые оказался в Старой Ладоге, это было забытое богом место, где главной „культурной достопримечательностью“ служил пивной ларек напротив крепости, где продавали неразбавленное пиво. К счастью, с тех пор многое радикально изменилось».

Было это в начале 1970-х годов: Староладожская археологическая экспедиция начала свою работу в 1972 году. За это время было сделано более 40 тыс. находок.

«Конечно, мы не были первыми – до нас еще были Бранденбург, Репников, другие археологи, – рассказал Анатолий Кирпичников. – Они начали копать и изумились: в Ладоге в „мокром слое“ удивительно хорошо сохранились деревянные конструкции, предметы быта. Вообще, Старая Ладога – очень благодатное место для раскопок. Здесь очень хорошо сохранились слои IX, X, XI веков, дальше – хуже, но встречаются предметы вплоть до XVII века. Конечно, чаще всего мы находим случайные вещи, благодаря которым можем уловить кусочки подлинной жизни того времени.

В Ладоге мы раскапываем фундаментальные ценности отечественной и мировой истории и культуры. Самое главное – удалось раскрыть понятие города Ладога: он стоял на скре-

щении двух путей – волжского и из варяг в греки. Ладога – международный город, живший торговлей. Археологи встречают здесь предметы как отечественного, так и «импортного» производства, причем многие отечественные вещи сделаны с таким высоким качеством мастерства, что ничуть не уступают своим скандинавским аналогам.

Не надо представлять наших предков в виде неграмотных, диких варваров, обутых в лапти, – кстати, в той же Ладоге была распространена кожаная обувь, это доказали наши раскопки. По нашим данным, ладожане были универсальными людьми – мастерами и купцами одновременно. Это был активный слой энергичных горожан. Мы чувствуем по этим раскопкам, что горожане были сообществом вольных мастеров, а Ладога – своеобразным вольным городом. И сельские жители тоже владели навыками ремесленного мастерства, а вовсе не были угнетенными пахарями – об этом тоже свидетельствуют раскопки».

В 2003 году, когда Петербург отмечал 300-летие, в Старой Ладоге не менее торжественно отпраздновали свое 1250-летие. В 2012 году, когда отмечалось 1150-летие зарождения русской государственности, Старую Ладогу снова поднимали на щит – как первый стольный град Древней Руси. И даже заложили камень на месте будущему памятнику князьям Рюрику и Вещему Олегу…

Незадолго до праздника русской государственности автору этих строк довелось побывать в Старой Ладоге. «Какая огромная радость – иметь возможность каждый день любоваться древней крепостью, которую раньше называли Рюриковой», – подумалось мне, и я задал тогдашнему заместителю директора по науке Староладожского музея-заповедника, доктору исторических наук Адриану Селину наивный вопрос: наверное, местных жителей переполняет гордость, что они живут в Старой Ладоге?

«Когда к ним приезжают гости – гордятся, а в обыденной жизни подобное соседство становится обузой, – остудил мой пыл Адриан Селин. – Ведь „жить на памятнике“ на самом деле очень обременительно. Чтобы проводить коммуникации, требуются специальные разрешения, строиться здесь вообще целая проблема – везде охранная зона».

«Большое видится на расстоянии, – всегда то, что далеко и недосягаемо, кажется прекрасным, а то, что видишь каждый день, становится не таким удивительным, – пояснила руководитель научно-просветительного отдела музея-заповедника Марина Орлова. – А потому становится обыденностью, когда люди, перекапывая свой огород, находят какую-нибудь бусинку или игольничек, которым многие сотни, а то и тысяча лет. Кто-то несет находку в музей, кто-то оставляет себе на память»…

Ныне Старая Ладога имеет статус сельского поселения. Население – около двух тысяч человек. Жители работают, в основном, в бывшем совхозе, есть небольшой цех по переработке молочной продукции. Занятость дают учреждения культуры, досуга, обслуживания, торговли. Активные люди себе работу находят, в том числе в ближайших городах – Новой Ладоге и Волхове. Музей тоже обеспечивает работой местных жителей: из 57 штатных сотрудников подавляющее большинство – ладожане.

«В летнюю пору нам очень трудно своими силами справиться с туристическим потоком, у нас острая нехватка экскурсоводов, – призналась Марина Орлова. – В штате всего один экскурсовод, вся остальная экскурсионная нагрузка ложится на плечи научных сотрудников, а также заведующих отделами. Внештатных экскурсоводов крайне мало – на сегодняшний день это два человека. Работа требует серьезной подготовки и не очень высоко оплачивается. Мы всегда приглашаем поработать в этом качестве студентов, старшеклассников, однако у них предложение энтузиазма не вызывает».

«Почему же Старая Ладога до сих пор остается объектом „местного значения“ и знают ее лишь в пределах Северо-Запада?» – задал я вопрос.

«Конечно, можно говорить о внутрироссийских исторических стереотипах, о том, что даже для культурного европейца Старая Ладога гораздо больше известна, чем среди сред-

него русского обывателя, – ответил Адриан Селин. – Но суть все-таки в недостатке средств – и для реставрации, и для проведения более широкомасштабных работ, и для организации серьезных мероприятий. Возьмите для примера тот же Новгород, областной центр: музей там имеет федеральное значение. Наше начальство – Комитет по культуре Ленинградской области. В этом смысле региональному подчинению соответствует и пиар. Несмотря на понимание того, что Старая Ладога – уникальное место Ленинградской области и в какой-то степени ее визитная карточка, мы воспринимаемся как одно из многих других учреждений культуры».

«Жизнь привольная, дачи дешевы, продукты тоже»

Скульптурный конвейер

Если в советское время практически ни один районный центр или крупное село не могло обойтись без памятника Ленину, то в дореволюционной России пальму первенства в этом отношении держал, пожалуй, царь-освободитель Александр II. Как известно, освободителем он был не только потому, что освободил, благодаря Русско-турецкой войне, славянские народы на Балканах от турецкого владычества, но и потому, что освободил русских крестьян от крепостной неволи. Недаром день освобождения крестьян 19 февраля до революции воспринимался современниками в одном ряду с крещением Руси, Куликовской битвой и Полтавской победой. Ведь именно с него, как считалось, началась «новая русская жизнь».

Спустя полвека после манифеста Александра II, в 1911 году, в России торжественно праздновался юбилей освобождения крестьян. По всей России выросло множество памятников «царю-освободителю». Немало появилось их и в Петербургской губернии, причем инициатива зачастую исходила от волостных правлений, открывших свою деятельность по воле «царя-освободителя».

В преддверии юбилея, по старой российской привычке, по всей стране заработал «конвейер». Многим хорошо памятно, как еще не так давно везде и всюду ставили похожие друг на друга памятники вождю мирового пролетариата. Точно так же сто лет назад повсеместно устанавливались одинаковые памятники «царю-освободителю».

Увы, подобные штампованные памятники сыграли дурную роль в памяти о царе, освободившем русских крестьян от крепостного рабства. Мало того, что после революции памятники «царям и царским слугам» по идеологическим причинам подлежали сносу: даже тем представителям интеллигенции, кто хотел бы вступиться за бюсты Александра II, приходилось признавать, что особой художественной ценности они не представляют.

В деле увековечения памяти о «царе-освободителе» особенно преуспел находившийся в Петербурге Художественный металло-литейный завод Эдмунда Эдуардовича Новицкого. Адресно-справочная книга «Весь Петербург на 1913 год» сообщала, что он был потомственным дворянином, владельцем бронзово-цинко-литейного заведения и фото-цинкографии, членом Общества заводчиков и фабрикантов и Русско-Английской торговой палаты.

Кроме того, Э.Э. Новицкий являлся директором-распорядителем товарищества «Новый лен». На его фабрике, открытой в 1911 году, по собственной технологии обработки льна производились скатерти, салфетки и предметы одежды. Накануне Первой мировой войны он содержал магазин в «Пассаже» на Невском проспекте. Кстати, при последней реставрации была восстановлена именная вывеска его заведения на главной торговой галерее (точно так же, как и вывески других владельцев магазинов в «Пассаже»).

Однако именно серийное изготовление памятников стало для Э.Э. Новицкого важнейшим коммерческим предприятием. Как указывалось в отчете его завода, только за период с декабря 1910 года по май 1911 года по всей стране было отправлено более 1200 памятников, еще 600 были в работе.

За это время на территории Петербурга и Петербургской губернии появилось 13 памятников Александру II, изготовленных на заводе Новицкого. Четыре из них – в Гдовском уезде, один – в Лужском (Городенская волость), два – в Петергофском (Ковашевская и Ропшинская волости), один – в Ямбургском (Ратчинская волость), два – в Петербургском (Московская и Парголовская волости). Кроме того, два памятника и один бюст завод Новицкого изготовил для Петербурга.

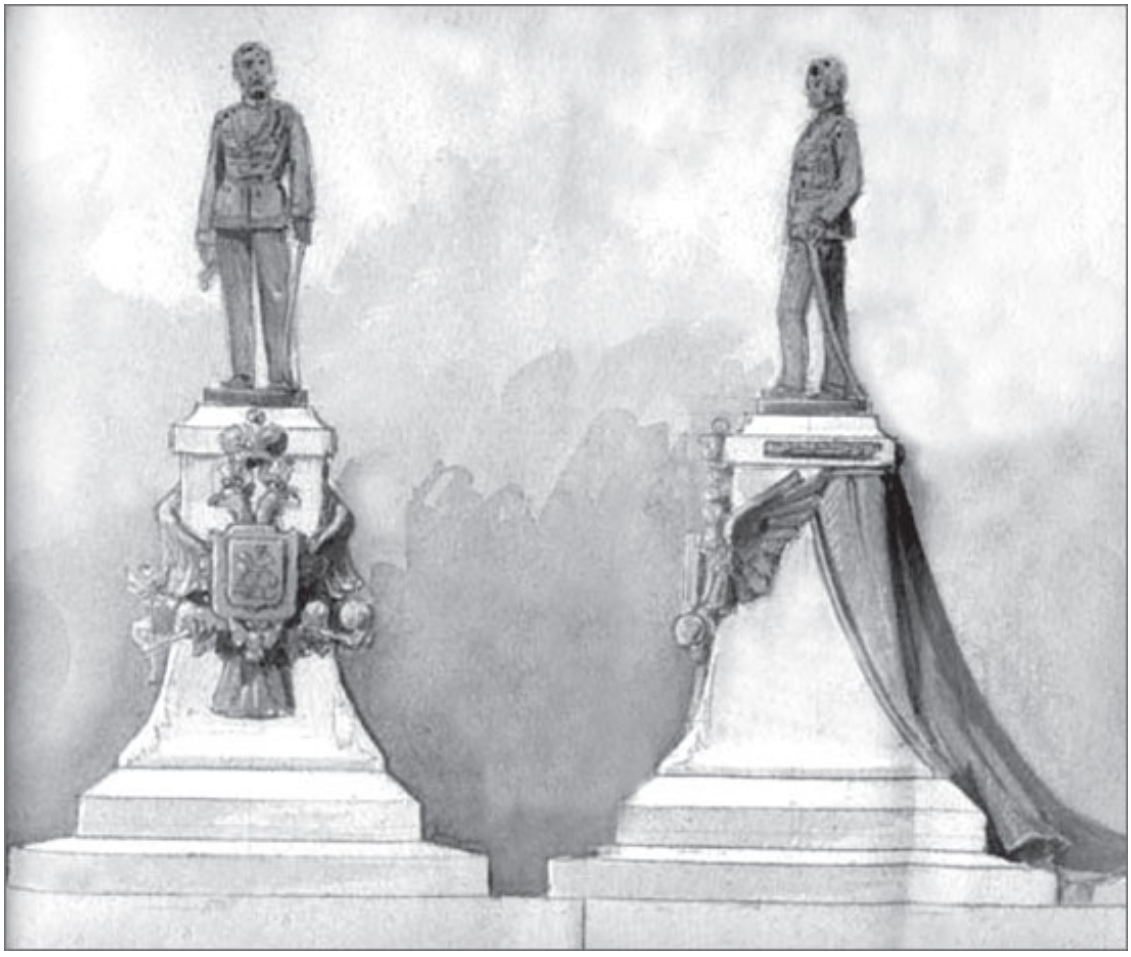
Эскиз памятника императору Александру II работы пермского художника А.Н. Зеленина. 1908–1914 годы

«Благоговейно чтит вся бывшая крепостная, а ныне освобожденная Россия, светлую память царя-мученика, царя-освободителя, императора Александра II, – говорилось в специальном издании завода Новицкого, посвященном его юбилейной программе. – Нет ни одного уголка в нашем обширном Отечестве, где так или иначе не постарались бы по мере сил и возможности увековечить память об этом благородном, светлом, идеальном народном герое…».

В издании отмечалось, что наилучшим и наиболее подходящим средством увековечения памяти почившего императора, без сомнения, являются монументальные памятники, однако до последнего времени они были столь дороги, что постановка их являлась не под силу отдельным лицам и даже обществам. Поэтому именно завод Новицкого, впервые в России, решил удешевить производство памятников, применив для их изготовления сравнительно дешевый, но прочный материал – цинк. «Он может покрываться гальваническим путем более или менее толстым слоем бронзы – и памятник приобретает тогда вполне вид массивного, бронзового монумента».

Одним словом, изготовление памятников царю-освободителю поставили на поток. По сути, это был первый опыт массового серийного изготовления памятников царю.

«В начале работы, – отмечалось в юбилейном проспекте, – будучи положительно завалены срочными и спешными заказами на памятники императору Александру II, завод наш не имел даже возможности мыслить о чем-либо ином, как только дать господам заказчикам вовремя и, конечно, насколько это возможно, дешевые и хорошие памятники. Все требования эти были исполнены заводом вполне безукоризненно… В числе присланных фирме запросов было сравнительно большое число требований на памятники больших размеров, изготовленные из более дорогого материала и высокохудожественные».



Эскиз памятника императору Александру II. Из каталога Художественного металло-литейного завода Э.Э. Новицкого в Петербурге

После долгих и тщательных поисков «наилучшей и наиболее художественно и натурально исполненной фигуры царя-освободителя» заводу удалось приобрести право собственности на отливку модели известного скульптора Александра Михайловича Опекушина, установленной в 1898 году в московском Кремле. Опекушин был известным

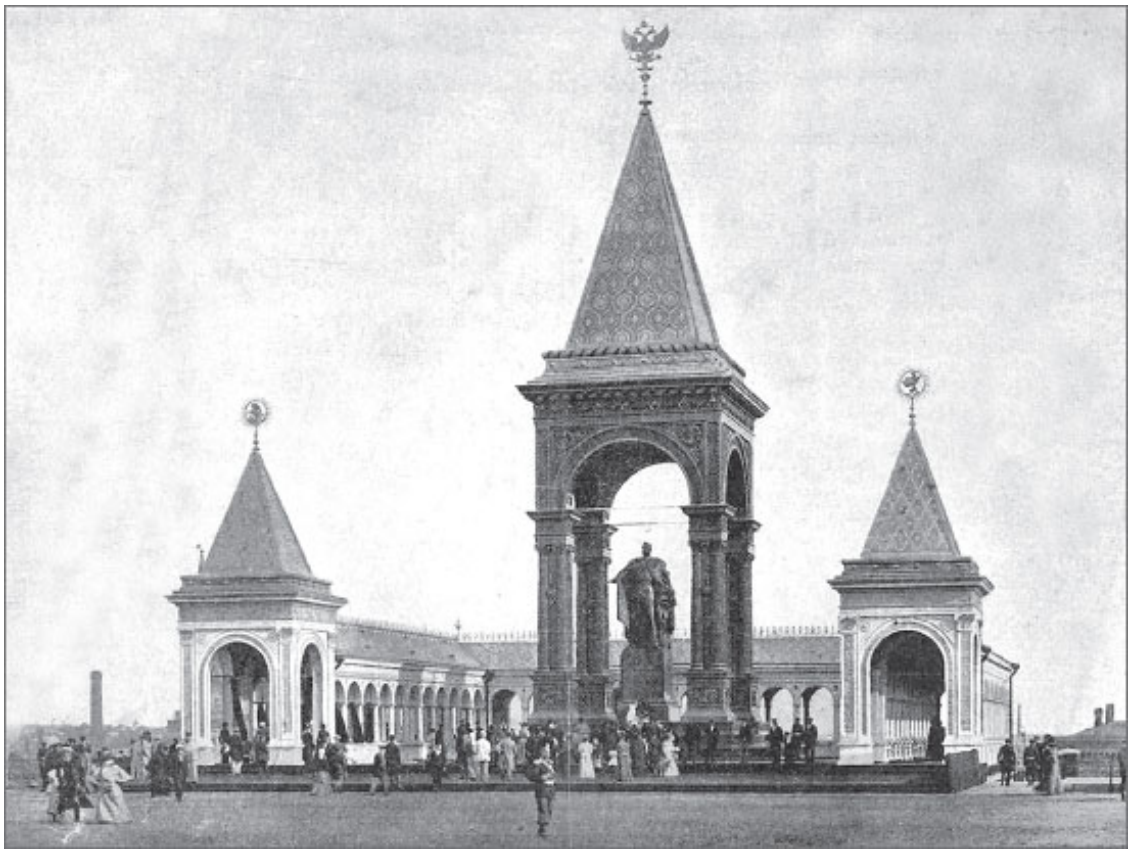
скульптором-монументалистом, принимавшим участие в создании памятников «Тысячелетие России» в Новгороде и Екатерине II в Петербурге, изваявший скульптуры для памятников А.С. Пушкину в Москве и Петербурге.

Отмечалось, что точности исполнения лица и фигуры Александра II способствовало то обстоятельство, что в распоряжении Опекушина были посмертная маска с лица почившего государя, а также его одежда. Кроме того, Опекушин лично знал царя. «Мне кажется, – вспоминал скульптор, – я мог бы вылепить статую покойного Императора, закрыв глаза – до такой степени у меня жив в памяти его образ».

Памятник Александру II в московском Кремле изображал государя в полной генеральской форме, в императорской порфире, то есть в том одеянии, в каком он венчался на царство. В левой руке император держал скипетр, а правую простирал к народу. Впрочем, московский памятник представлял собою не столько скульптурное, сколько архитектурное произведение. Бронзовая статуя императора в шесть с половиной метров высотой стояла под шатровой сенью, увенчанной двуглавым орлом. С трех сторон памятник окружала крытая галерея, ее потолок украшали 33 мозаичных портрета русских правителей – от Владимира Святого до Николая I. На пьедесталах колонн помещались гербы бывших удельных княжеств и присоединенных к России земель…

Как отмечает исследователь Кирилл Сокол, посвятивший свою диссертацию анализу российских монументальных памятников конца XVIII – начала XX веков, Александр II – главный фигурант монументов Российской империи, число памятников в его честь заметно превосходило все остальные монументы государства.

Памятники завода Новицкого были самыми массовыми в империи, их примерное количество можно оценить в полторы– две тысячи штук. Коммерческий успех фабриканта Новицкого не остался незамеченным, и к производству памятников царю подключилось еще несколько заводов – Морана, Сан-Галли, Виллера, Козлова, Городецкого и других. В результате памятники Александру II по численности превзошли все остальные монументы империи. Массовую установку типовых памятников остановила Первая мировая война.



Памятник Александру II работы скульптора А.М. Опекушина в московском Кремле, ставший моделью для завода Новицкого. Его копией стал и памятник в Новой Ладоге

Любопытно также будет также познакомиться с расценками изготовления памятников Александру II на заводе Новицкого.

Статуя царя-освободителя, копия московского памятника работы А.М. Опекушина, отлитая из бронзы самого высокого качества, «тщательной и прочной работы», с упаковкой и доставкой на вокзал в Петербурге, стоила 10 тысяч 500 рублей. Пьедестал к ней из красного или серого финляндского гранита стоил 600 рублей, такой же, но полированный – тысячу рублей.

Такая же статуя, но отлитая из цинка высшего качества и отделанная под старую бронзу, с пьедесталом из искусственного мрамора, обходилась гораздо дешевле – в 2 тысячи 800 рублей. Чуть дороже, на 600 рублей, стоила та же статуя Александра II, но на гранитном постаменте.

Открытие памятника Императору Александру II в слободе Борисовка Курской губернии, 28 сентября 1903 года

Конечно, более экономичным вариантом, нежели статуя во весь рост, был бюст царя, причем тоже по модели А.М. Опекушина. Бюст из бронзы на бронзовом же пьедестале стоил полторы тысячи рублей, такой же бронзовый бюст, но на пьедестале из искусственного мрамора, обходился на 400 рублей дешевле. Бюст царя по той же модели, но изготовленный не из бронзы, а из цинка (с отделкой под бронзу), обходился в 700 рублей. И, наконец, самым экономичным было изготовление бюста и пьедестала из цинка – все это отделывалось под старую бронзу. Тогда цена составляла всего 150 рублей.

Один из самых значительных в Петербургской губернии памятников Александру II появился в 1913 году в Новой Ладоге. Когда 19 апреля 1911 года Городская дума Новой Ладоги приняла решение о воздвижении монумента в честь Александра II в связи с пятидесятилетием отмены крепостного права, то его решили заказать по каталогу завода Э.Э. Новицкого. В качестве образца выбрали памятник, установленный в московском Кремле.

Памятник Александру II в Киеве работы скульптора Этторе Ксименеса, установленный в 1911 году на Царской площади (ныне Европейская). Фото 1910-х годов

Конечно, памятник Александру II, торжественно открытый перед Гостиным двором в Новой Ладоге 16 июня 1913 года, был гораздо скромнее московского. Здесь не было ни галереи, ни шатра. Памятник стоял на постаменте из серого гранита, окруженный гранитными тумбами с цепями. Заказать скульптуру из бронзы для Новой Ладоги оказалось слишком дорого, поэтому выбрали более дешевый вариант – скульптуру из цинка, покрытую слоем бронзы.

В газете «Озерной край», выходившей в Новой Ладоге, сохранилось подробное описание церемонии открытия памятника – с крестным ходом, колокольным звоном, молебном и церемониальным маршем. Как писала газета, «всем понравилась задумчивая поза царя со вперед протянутой рукой, одетого в военный мундир, с порфирой сверху, с державой в левой руке, поддерживаемой орлом»…

1918-й год стал роковым для памятников «царю-освободителю», который приходился дедом свергнутому и расстрелянному Николаю II. Снос памятников происходил в ходе кампании по избавлению коммунистической России от монументов «царям и царским слугам». Александр II стал объектом особого неприятия новой власти. По всей России памятники Александру II свергали с постаментов. Это была не просто борьба с памятниками – символами прежней эпохи, а нечто вроде публичной политической казни.

Под крики возбужденной толпы на памятники набрасывали веревки, дружным усилием скульптуры сбрасывались с пьедесталов, таскались по улицам. Если рядом находилась река, то скульптуру топили в реке. Так поступили, к примеру, с памятником Александру II в Рыбинске, утопленным в Волге в 1918 году. Тогда еще не пришло время прагматизму времен индустриализации, когда памятники снимали ради переплавки. На освободившиеся постаменты нередко воздвигали статуи революционных вождей. Опекушину довелось пережить гибель своих творений. Он умер в 1923 году в селе Рыбница Ярославской губернии…

Памятник Александру II в московском Кремле – «старший брат» новоладожского – также разрушили в 1918 году. Новые власти припомнили, что памятник после своего открытия не раз вызывал критические отзывы в печати: его обвиняли в громоздкости, безвку-

сии, безыдейности, бездарности и несоответствии «древнему величию Кремля». Галерея и шатер, под которым красногвардейцы стали играть в футбол, сохранялись до 1928 года, а потом и эти остатки монумента снесли.

Новоладожский памятник «царю-освободителю» разделил судьбу десятков провинциальных памятников Александру II. Осенью 1918 года памятник сбросили матросы, прибывшие в Новую Ладогу для поддержания «революционного порядка». Скульптуру обмотали веревками и обрушили на землю. По одной версии, скульптуру, поврежденную при падении, утопили в Волхове, по другой, – увезли неизвестно куда…

На освободившийся постамент 7 ноября 1918 года установили бюст Карла Маркса, выполненный известным впоследствии скульптором В.В. Лишевым. Позднее бюст перенесли, а на постамент, занимавшийся когда-то царем-освободителем, в 1947 году водрузили скульптуру С.М. Кирова работы скульптора Н.В. Томского. Там она и стоит поныне…

В результате «войны царским памятникам», объявленной большевиками, от многочисленных бюстов Александра-освободителя почти не осталось и следа. Впрочем, все-таки что-то кое-где уцелело. К примеру, сохранился до наших дней постамент памятника Александру II, установленного в 1911 году в Мурино. Наверное, в немалой степени потому, что его соорудили из нового для тех времен строительного материала – железобетона.

На волховских порогах

Давно уже ушли в прошлое знаменитые когда-то волховские пороги. Они перестали существовать с постройкой Волховской ГЭС в 1920-х годах. А сколько бед и неприятностей приносили они: даже XIX веке там бились пароходы, а что уж говорить о более давних временах? С другой стороны, пороги в буквальном смысле кормили жителей окрестных деревень – давали им возможность заработка. Ведь лоцманское дело было привычным для многих жителей селений, расположенных вдоль порогов, на всем протяжении от Гостинополья до Дубровиков…

Как отмечает известный волховский историк-краевед Виктор Астафьев, река Волхов занимала важное место в системе сообщений Древней Руси, через нее проходил отрезок пути «из варяг в греки». И волховские пороги служили на нем серьезным препятствием. По словам исследователя С.Л. Кузьмина, занимающегося раннесредневековой археологией и историей Северной Руси, статистика кораблекрушений свидетельствует о гибели на волховских порогах десятков судов в год.

«Волховские пороги скрылись под водой только после сооружения плотины Волховской ГЭС, – указывает Виктор Васильевич Астафьев в своем пятом авторском сборнике «Тропинки в прошлое», в котором он продолжает исследование малоизвестных страниц истории волховского края. – А до этого река на одиннадцатикилометровом участке от бывшей Гостинопольской пристани (ныне поселок Волхов) до деревни Дубовики мчалась вниз среди отвесных берегов по каменистому ложу, усыпанному валунами и обломками известняковых плит. Из-за мелководья, быстроты течения и множества подводных камней это место считалось очень опасным для судоходства».

Находки, которые случаются в этих местах, могут свидетельствовать о самых разных эпохах. Как отмечает археолог К.В. Шмелев, в 1951 году школьники города Волхов обнаружили небольшое чугунное орудие, которое потом попало в Артиллерийский музей. Оно относится к широко известному в Европе типу орудий малой корабельной (фальшбортной) артиллерии, известной как фальконеты. Однако такие орудия, выполненные в чугуне, в европейский странах единичны, а в России эта пушка является уникальной.

«Интересны обстоятельства находки орудия – оно было обнаружено в районе волховских порогов в момент, когда были открыты шлюзы ГЭС и уровень воды в реке сильно

упал, – отмечает Кирилл Владимирович Шмелев. – Это означает, что оно могло быть потеряно при прохождении порогов или перевозке военных грузов каким либо из военных отрядов. Вполне вероятно, что это может быть связано с намечавшимся во время войны 1656 году морским походом на Стокгольм»…

«Волховские, или Ладожские, пороги начинаются в 1-й версте ниже Гостинопольской пристани, простираются на 8 верст 200 саженей до села Михаила Архангела, – говорилось в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона, изданном на рубеже XIX–XX веков. – Волхов здесь 120 саженей ширины, берега скалистые, отвесные, высотой 110 футов. Пороги расположены уступами и состоят из двух частей, разделенных между собой плесом в 3 версты.

Верхняя часть – Велицкая у села Вельсов; здесь особенно неудобен для судоходства так называемый Велицкий руб; в древности здесь суда обыкновенно разгружались и товары везли сухим путем для обхода порогов. Петропавловская часть порогов состоит из 5 рубов и 4 каменных кос.

Дно Волховских порогов состоит из плитняка. Глубина весной до 2,5 (1,78 м) аршин, осенью же в мелководье 0,5–1,5 (1,05 м) аршина, вследствие чего большинство судов наполовину разгружаются на специальные суда и вновь нагружаются по проходе порогов. Падение воды в Волховских порогах 29 футов 6 дюймов (более 9 м), течение бурливое. Среднее навигационное время для Волхова 215 дней».

Как отмечает Виктор Астафьев, все крупные суда, которые шли с верховьев Волхова, разгружались в Гостинополье, поскольку из-за низкой посадки не могли пройти пороги. Товар выгружался на маленькие лодки (паузки) и переправлялся через пороги. Затем проводилось судно и снова грузилось у деревни Дубовики, а порожние паузки лошадиной тягой возвращались в Гостинополье. При этом прохождение судов через волховские пороги допускалось только с местными лоцманами…

«Какие только путешественники не преодолевали Волховские пороги, кто только не проезжал мимо них!» – восклицает историк Виктор Астафьев. Тут пролегал путь и первого князя Древней Руси Рюрика, и Вещего Олега, и князя Владимира Святославича (Крестителя), и новгородского князя Александра Ярославича, более известного нам под именем Александра Невского. И легендарный Садко, самый богатый новгородский купец, согласно одной из былин, тоже преодолевал волховские пороги. Бывали здесь сын Петра I царевич Алексей и фельдмаршал Миних, Екатерина II и герцог Георг Ольденбургский, Константин Ушинский и Николай Рерих…

Прохождение порогов на Волхове ярко описал известный немецкий путешественник и ученый Адам Олеарий, проезжавший пороги в 1634 году. Будучи секретарем посольства, посланного шлезвиг-голштинским герцогом Фридрихом III к персидскому шаху, Олеарий записал и опубликовал свои заметки, собранные во время путешествия.

Многое восхитило Адама Олеария в том путешествии, многому он поразился. К примеру, способу «оживления» пострадавших русских людей. «Когда ветер стал попутным для нас, мы подняли паруса, – сообщал он о путешествии по Волхову в своем „Описании путешествия в Московию“. – Однако едва стали мы под паруса, как канат лопнул и парус упал на одного из наших стрельцов, свалившегося замертво. Когда он, однако, через час начал приходить в сознание и получил чарку водки, то у него все прошло». Простой способ, но и по сей день весьма действенный…

«Волхов – река почти той же ширины, как и Эльба, течет, однако, не так сильно; она вытекает из озера за Великим Новгородом, называющегося у них Ильмер-озером, – сообщал немецкий путешественник. – Впадает она в Ладожское озеро. В семи верстах от Ладоги (пять верст составляют одну немецкую милю) на этой реке пороги, и еще через семь верст другие, через которые очень опасно переезжать в лодках, так как там река стрелою мчится вниз с больших камней и между ними. Поэтому, когда мы прибыли к первым порогам, то вышли из

лодок и пошли берегом, дожидаясь, пока наши лодки сотнею людей перетаскивались через пороги на канатах.

Однако все прошли счастливо, за исключением последней, в которой мы должны были оставить Симона Фризе, купеческого сына из Гамбурга, ввиду сильной болезни, которою он страдал. Когда эта лодка сильнее всего боролась с течением, вдруг разорвался канат, и она стрелою помчалась назад. Она, вероятно, достигла бы опять порогов, через которые ее с трудом перетащили, и, без сомнения, разбилась бы тут, если бы, по особому счастию, канат, значительный обрывок которого еще остался на лодке, не закинулся случайно за большой выдававшийся из воды камень, зацепившись за него с такой силою, что только с трудом можно было опять отвязать его. Нам сообщили, что на этом самом месте несколько ранее засело судно некоего епископа, нагруженное рыбою, и погибло вместе с епископом»…

Спустя много лет, в 1900 году, не менее увлекательное описание волховских порогов оставил художник Николай Константинович Рерих, бесконечно влюбленный в эти места.

«Пароход дальше Дубовика не идет, – тут начинаются пороги, так что до Гостинопольской пароходной пристани (расстояние около 10 верст) надо проехать в дилижансе. Дилижанс этот представляет из себя не что иное, как остов большого ящика, поставленный ребром с выбитыми дном и крышкой. Мы сели лицом к реке. Лошади рванули и проскакали почти без передышки до пристани. Дорога шла подле самой береговой кручи; несколько раз колесо оказывалось на расстоянии не более четверти от обрыва, так что невольно мы начинали соображать, что, если на какой-нибудь промоине нас выкинет из дилижанса, упадем ли мы сразу в Волхов или несколько времени продержимся за кусты. А Волхов внизу кипел и шипел.

Мы скакали мимо самых злых порогов. Несмотря на разлив, давно незапамятный, из воды все же торчали кое-где камни; подле них белела пена, длинным хвостом скатываясь вниз. Сила течения в порогах громадна: в половодье груженная баржа проходит несколько десятков верст в час. Целая толпа мужиков и баб правит ею; рулевого нередко снимают от руля в обмороке – таково сильно нервное и физическое напряжение.

Баржу гонят с гиком и песнями; личность потонула в общем подъеме. Вода бурлит, скрипят борты… Какая богатая картина! Название „Гостинополь“ заставляет задуматься – в нем слышится что-то нетеперешнее. Наверное, здесь был волок, ибо против течения пройти в Волховских порогах и думать нечего. В Гостинополе же ладьи снова спускались и шли к Днепровскому бассейну. Может быть, до Дубовика шли в старину на мореходных ладьях (слово „дубовик“ напрашивается на производство от „дуб-лодка“), а в Гостинополе сохранялись лодки меньшего размера – резные…».

С волховскими порогами пытался бороться еще Петр Великий. Как отмечает Виктор Астафьев, в конце 1724 года царь подписал указ о чистке порогов мастером-самоучкой Шарком, повелев отпустить «на приготовление припасов к той работе и на наем работников» до 3000 рублей. Работы по улучшению судоходства на Волхове предпринимались и впоследствии, однако, чаще всего дело ограничивалось выемкой отдельных камней с фарватера и частичным углублением плитного дна в порогах.

«И только с появлением Волховской ГЭС, построенной в 1926 году по проекту инженера Генриха Графтио, эта проблема исчезла», – отмечает Виктор Астафьев. Действительно, волховских порогов больше не стало. Казалось бы, наступило торжество прогресса. Однако, не все так просто…

Стоит привести любопытный эпизод, связанный с популярным в 1930-х годах детским писателем Евгением Васильевичем Дубровским, выступавшим под псевдонимом «Лесник». Его называли одним из самых известных «писателей-природолюбов» 1920–1930-х годов. Евгений Васильевич не мог не приветствовать технический прогресс, но в то же время видел,

что вмешательство человека может порой навредить придуманному не им природному ходу вещей.

А вспоминал о Дубровском-Леснике известный литературный и художественный критик русского зарубежья, поэт и журналист Вячеслав Завалишин. Его рассказ о поездке в 1934 году, в качестве специального корреспондента газеты «Крестьянская правда», на торжества, связанные с десятилетием со дня пуска в ход Волховской гидроэлектростанции, которую с гордостью называли «первенцем грандиозных новостроек», был опубликован в 1952 году в нью-йоркской газете «Новое русское слово».

«В Ладоге я познакомился с замечательным писателем Лесником, который приехал сюда, если не ошибаюсь, по поручению журнала „Вестник знания“.

– Вот вы, батенька мой, третий день инженерам глаза мозолите, а слона то и не приметили. Самое интересное и самое важное проморгали, мимо глаз пропустили, – сказал мне как-то Лесник. Я полюбопытствовал, в чем же это «самое важное» состоит.

– Извольте покажу.

И мы вечером пошли по направлению к плотине. Темная вода бурлила, клокотала от рыбы. Косяками шел сиг. Но рыбы не могли перепрыгнуть через плотину и, разбивая грудь о гранит, отступали назад, – с тем, чтобы снова предпринять безуспешную попытку пробиться в реку Волхов. Вдоль плотины и вблизи от нее бродили толпы рыболовов с большими сачками в руках. Рыбаки без труда вытягивали усталых сигов.

– Вот оно, индустриальное варварство. Во всей красе! – пояснял Лесник. – Сиг из Ладожского озера по Волхову идет метать икру в озеро Ильмень. И это из года в год, в течение долгих тысячелетий. Через пороги сиг пробивался, а через плотину не может. Промысел сига гибнет у нас на глазах. Понимаете, что это значит. То, что ильменские рыбаки обречены на нищету. Если мы подсчитаем убыток, причиненный стране гибелью сигов, то увидим, что ущерб будет стоить дороже Волховстроя. Почитай три таких станции соорудить можно!

Когда мы возвращались в Ленинград, Лесник прочел наброски очерка о гибели сиговых промыслов. Описания природы удались Леснику блестяще. Я заметил, что без влияния Бунина дело не обошлось…».

Куда податься на дачу?

Дачная жизнь на пространстве Петербургской губернии – особый мир, со своей уникальной историей, со своими традициями, правилами, обычаями и законами. Особенно это характерно для времени конца XIX – начала XX века, вошедшего в историю под именем «эпохи блистательного Санкт-Петербурга».

Без преувеличения можно сказать, что дача, со всеми ее особенностями, была настоящим культурным феноменом российской жизни. Именно на дачах воспитывалось несколько поколений петербургской интеллигенции. Если во все остальное время средой их обитания был светский Петербург, то здесь, в летнюю пору, они оказывались близки к народной, крестьянской среде. Общение со сверстниками из другого круга расширяло кругозор, жизненное восприятие, давало практические навыки, которые невозможно было приобрести в городских условиях…

«Зимой для обывателей обязательны журфиксы, а летом – жизнь на даче. Мы часто не выносим того и другого, но ежегодно проделываем эти неприятные, но обязательные вещи, – замечал обозреватель „Петербургской газеты“, скрывавшийся под псевдонимом „Дебютант“, летом 1907 года. – Таков обычай, а разве можно спросить с обычаем?». (Попутно заметим, что в дореволюционной России журфиксом назывался определенный день недели, предназначенный для регулярного приема гостей. На журфикс приезжали без приглашения.)

А вот еще несколько полезных наблюдений «Дебютанта», весьма точно характеризующих «дачную эпидемию», или «дачную лихорадку», того времени:

«Первые дни пребывания на даче нравятся, но потом, как у Онегина, наступает грустное разочарование. Затем оно становится просто невыносимым. Приходится ежедневно ездить на службу, со службы обратно на дачу, и половину своего свободного времени проводить в вагоне, который битком набит такими же несчастными дачными мужьями, с их покупками, узелками и картонками…

Петербуржец – коренной чиновник, и потому, конечно, он должен уважать раз навсегда заведенный и установленный порядок. Так полагается – зимой жить на Знаменской, а летом в Шувалове или Саблине, в декабре носить суконный пиджак, а летом пикейный. Но ведь в нем холодно, а на даче нет ничего, кроме дождя и сырости?..

По-моему, самая лучшая дачная жизнь – в городе. У нас есть прекрасные сады, прогулки по Неве, поездки «на тони» и тому подобные летние развлечения. Днем – служба, а вечером – острова. Впрочем, большинство благоразумных мужей именно так и проводят время. Супруга и дети на даче, а мужья ездят туда с субботы на воскресенье и в табельные дни».

Куда же податься петербуржцам на дачу? Кроме ближних окрестностей, которые за последние полвека вошли в черту Ленинграда – Петербурга, было немало и других мест, и сегодня остающихся дачными. Вот, к примеру, какие отзывы получили они весной 1909 года, в преддверии дачного сезона, на страницах вездесущего «Петербургского листка».

«Волосово. Действительно, дачное место. По Балтийской дороге оно лучшее.

Вырица. Вся она не стоит тех реклам, которые затрачены на нее. Многое из обещанного продавцом участков существует только в мечтах…

Горелово. По Балтийской железной дороге. Горит по три раза в лето. Воды не имеется.

Дудергоф. Излюблено офицерскими семействами. Самое высокое место в губернии. По благоустройству одно из лучших, но зато нет дешевых дач…

Елизаветино. Живописнейший, тихий уголок, но два раза в день делать по железной дороге по 63 версты, – благодарю покорно.

Мартышкино. Деревенька около Ораниенбаума. Дачник постоянный. Нищих мало.

Поповка. Сколько людей потеряли тут последние крохи на покупках участков, – одному Подобедову известно!

Рябово. Кабачок по Ириновке, а не дачное место.

Саблино. В ином городе того нет, что здесь есть. Гимназия, театр, общественное собрание, конка, лечебница… Только казенной лавки нет.

Сиверская. Швейцария Петербургской губернии.

Суйда. Дешевизна дач тянет многих на болото.

Тосно. И тошно, и страшно тут жить. От бродяг, „ломающих“ этап, покоя нет.»

У каждой дачной местности были свои нюансы. К примеру, Мартышкино, у петербуржцев тех времен прочно ассоциировалось с «кукушкой» – так именовался поезд-подкидыш. Дело в том, что пригородные поезда, отправлявшиеся с Балтийского вокзала, не имели остановок между Старым Петергофом и Ораниенбаумом, то есть проскакивали маленькие полустанки, в том числе и Мартышкино, без остановок.

Поэтому специально для дачников каждый год с мая по сентябрь от Старого Петергофа до Ораниенбаума ходил специальный поезд. Если считать от Старого Петергофа, он делал шесть остановок: Лейхтенбергская (примерно там, где теперь расположена платформа «Университет»), Мордвиново, Лисицыно, Мартышкино, Олино, Халитово. Для посадки и высадки пассажиров соорудили небольшие низкие деревянные платформы с такими же павильонами для защиты от непогоды.

В просторечии этот поезд звали «кукушкой» за его пронзительный гудок, которым он сопровождал свое отправление. Поезд был очень популярен, так что в ту пору появилась даже детская книжка «Дачный поезд», посвященная легендарной «кукушке».

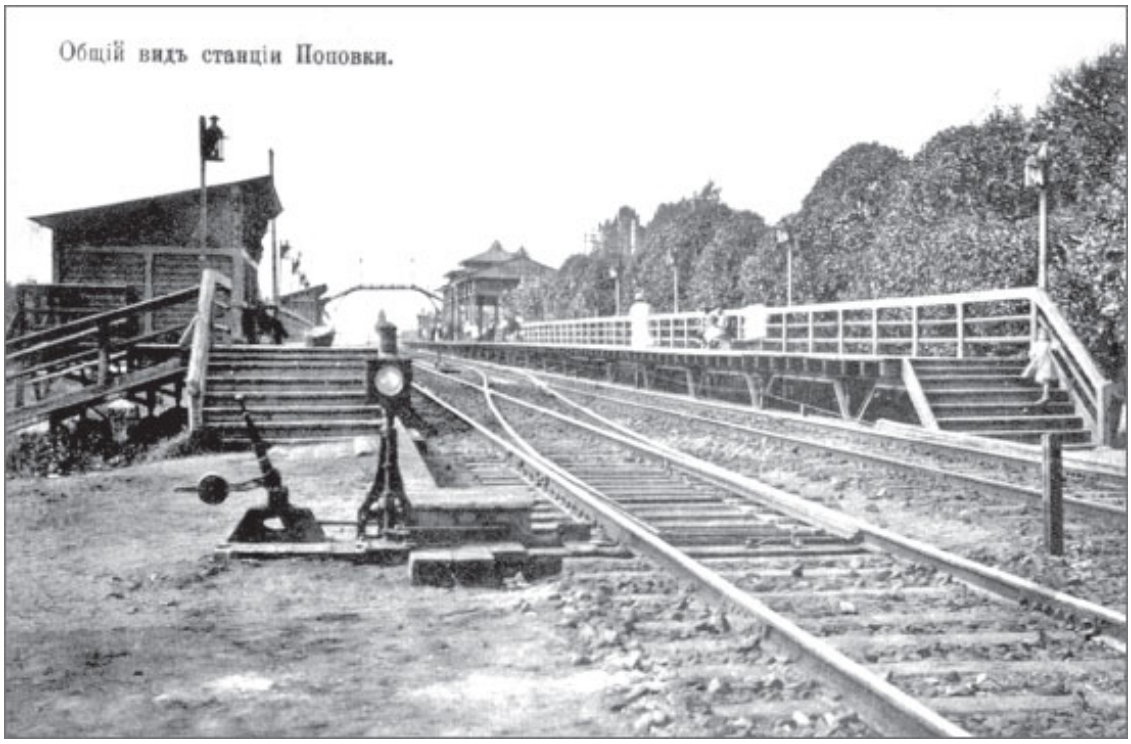
«Кукушка» состояла из паровоза без тендера (запасы воды и топлива хранились у него в особых емкостях, расположенных по бокам парового котла) и одного-трех двухэтажных пассажирских вагонов. По воспоминаниям, вагоны были разноцветные, а паровоз – черный, блестящий, с красными колесами и цветными полосами на бортах.

В двухэтажных вагонах внизу располагались отделения более привилегированных первого и второго классов, наверху, на «империале» (по аналогии с петербургской конкой) – третьего. Туда вела открытая металлическая лесенка с поручнями. Проезд на «империале» стоил пять копеек, внизу – разумеется, дороже. Приобретались билеты прямо в поезде, а обслуживали его обычно студенты, желавшие подзаработать.

«Дачники Мартышкино, этого густозаселенного поселка, жалуются на невозможное сообщение с Петербургом, – сообщалось в июне 1912 года в газете „Вечернее время“. – Чтобы добраться до Мартышкино, мимо которого поезд Балтийской железной дороги лишь проносится с шумом, злополучному дачнику следует ехать до Старого Петергофа и здесь ждать пресловутой „кукушки“. Но ждать ее иной раз приходится до часу, так как из 38 курсирующих ежедневно поездов между Ораниенбаумом и Петербургом соответствующую „кукушку“ имеют лишь 24 поезда.

Но если даже дачник волею железнодорожного начальства наконец из попадет в Мартышкино, то здесь еще не кончаются его мытарства. Нужно добраться до дачи, извозчиков нет, а пройти по здешним дорогам – не меньший подвиг, чем добраться до Петербургской городской управы, преодолев все трудности „мостового курса“».

В обзоре дачных мест уже упоминалась Поповка и владелец здешних земель петербургский инженер Михаил Михайлович Подобедов. Он был одним из многих столичных коммерсантов, который скупал земли разорившихся дворян, устраивал дачные поселки, продавал в них участки горожанам, занимался благоустройством жизни и внедрением элементов «городской цивилизации», без которых взыскательный петербуржец уже не мог существовать. Один из дачных поселков, устроенных им близ станции Поповка, назывался по его фамилии – Подобедовка.



Станция Поповка. Фото начала XX века

Неподалеку, вдоль Московского тракта, появился дачный поселок «Самопомощь». Его создала группа частных лиц, объединившихся в общество «Самопомощь» и выкупивших неиспользуемые казенные земли. Их распланировали на участки и тоже предложили под застройку. Газета «Царскосельская речь» сообщала: «Фонд на покупку земли образовался из взносов участников по предварительной записи. Участки распределены по жребию, за исключением 80 участков, которые остаются в общем владении и предназначены для цели благоустройства: постройки церкви, учебных заведений, общественных зданий, парков, прудов и т. д.».

Вскоре, когда количество домов в дачных поселках приблизилось к тысяче, а треть из 15 тысяч их обитателей стали «зимогорами», то есть людьми, проживающими на дачах круглый год, общественные земли при поддержке земства стали активно обустраивать. Для удобства дачников от станции Поповка к поселкам Самопомощь и Подобедовка пустили конку.

«Дома, дачи и земельные участка с льготной рассрочкой платежа: за землю до 3-х лет и за постройку до 8 лет, ежемесячными взносами в имении инженера-техника М.М. Подобедова „Поповка“, при станции Поповка Николаевской железной дороги, – говорилось в рекламном объявлении в июне 1903 года на страницах „Петербургского листка“. – Небывалые до сего времени льготные условия дают возможность каждому жить в собственном доме, уплачивая в течение 8 лет помесячно как бы квартирную плату, и в то же время освобождать для себя собственный дом с площадью земли около 400 кв. саж., нигде не заложенные. В имении все удобства: час езды от С.-Петербурга по Николаевской железной дороге, конно-железная дорога, электрическое освещение, церковь, аптека, врачи, магазины, лавки, театр, купальня, баня и т. п.».

Особым достоинством Подобедов указывал следующий факт: «20 саженей выше Петербурга! Окружено лесами!». Как бы сегодня сказали, пропагандировалась «гибкая ценовая политика»: «Постройка в разные цены, от 15 до 150 руб. в месяц».

«Спешная постройка дач в Поповке превратилась в последнее время буквально в какую-то строительную лихорадку, – говорилось в июне 1903 года в том же „Петербургском листке“. – Все спешат строиться… И никто не хочет подождать! Результат такой спешности уже сказался: цены на строительные материалы и на рабочих поднялись невероятно. За материал и постройку небольшой дачки, стоящей около тысячи рублей, приходиться платить две с половиной тысячи, то есть больше чем вдвое…

Вообще, ведение „хозяйства“ в этой быстрорастующей колонии отуманенных обещаниями блаженств дачников находится в самом примитивном состоянии. По „улицам“ и „проспектам“ нельзя проехать, так как они покрыты пнями, рытвинами и непролазной грязью; пожарной охраны нет никакой, также нет охраны порядка. Всюду слышны крики, брань, скверные песни под аккомпанемент гармошки, а ночью, во время белых ночей, небезопасно ходить по Поповке без оружия».

Станция Тайцы. Фото начала XX века

Петербургские дачники заполняли буквально все пространство Петербургской губернии и Карельского перешейка. Даже губернские города становились дачными местами.

К примеру, Гатчина, куда горожан из столицы привлекали «сравнительная дешевизна дач, провизии, сухость местности по сравнению с другими окрестностями Петербурга, и доступность сообщения». Как сообщалось в «Биржевых ведомостях» весной 1903 года, очень удобную квартиру в 3–4 комнаты в Гатчине можно было снять за 130–170 руб. за целое лето, а большие комнаты сдавались за 25–30 руб. в месяц.

«Завелись» дачники и в Шлиссельбурге – их не пугали ни ладожские ветра, ни ближайшее соседство с мрачной тюрьмой в крепости Орешек, – Русской Бастилией. «Наш городок тихий, отличается хорошим воздухом и летом довольно оживлен благодаря громадному судоходству, – отмечалось в июне 1890 года в „Петербургской газете“. – Жить довольно дешево, сообщение на пароходах. Кому нечасто нужно бывать в Петербурге и что довольствуется простой и дешевой жизнью, тот будет доволен Шлиссельбургом…».

«Луга – для отдыха, Луга – для лечения, Луга – для того, чтобы наслаждаться природой, – отмечал в 1911 году обозреватель „Лужской газеты“. – Те, кому из пресловутого столичного воздуха приходилось попадать в Лугу, хорошо знают, насколько здесь благодатный климат и красива природа…». Однако не только прелести природы манили сюда петербуржцев. Местом притяжения служили целебные минеральные источники, расположенные вдоль

речки Наплотинки. Анализ воды в них производил в начале XX века профессор Боткин, признавший источники здоровыми и целебными. По его свидетельству, благодаря протекающей здесь речке Наплотинке, в которую стекает вода из ключей, живущие поблизости постоянно пользовались целебной водой. Местные жители считали, что вода из одного источника имеет освежающий эффект, а из второго – помогает при болезни легких, малокровии и при отсутствии аппетита.

Даже Ямбург, путь в который из Петербурга был неблизким, облюбовали дачники. «И в нашем небольшом, окруженном лесами и перерезанном извилистою красивою рекой, городке, есть столичные дачники, – говорилось в июне 1894 года в „Петербургском листке“. – Жизнь здесь привольная, дачи дешевы, продукты тоже. Грибы, ягоды, рыба к услугам дачника, иди собирай и уди. На реке появилась общественная купальня, но многие предпочитают купаться прямо на открытом воздухе.

Благодаря инициативе командира царицынского полка, расположенного здесь, среди города, на площади около казарм возник весьма чистенький и хорошо убранный скверик, где по праздникам играет полковая музыка. На одной из больших дач помещен здесь один детский приют из Петербурга. Детям много свободы и удовольствий, не говоря уж про здоровый климат».

«Лежу на шелке зеленом пашен…»

Поселок Елизаветино, расположенный в западной части Гатчинского района привлекает и завораживает уже одним своим красивым именем. Не уступают ему и восхитительные, дивные пейзажи. Недаром еще с конца XIX века Елизаветино славилось как одно из любимых дачных мест петербуржцев.

«На пути от Гатчины к Нарве можно найти не только дешевую дачу, но и встретить ту здоровую деревенскую обстановку, ту простоту летнего обихода, в которых так нуждаются столичные обыватели, – говорилось в известном путеводителе В.К. Симанского „Куда ехать на дачу? Петербургские дачные местности в отношении их здоровости“, изданном в 1892 году. – Станция Елизаветино (на 65-й версте). Вблизи нее, на расстоянии приблизительно одной версты, имеются весьма удобные дачи, в имении кн. Трубецкой, выстроенные вблизи леса. Тут есть большой парк, три пруда, купальни, лодки. В свежей провизии нет недостатка. Есть дачи каменные, есть деревянные; можно найти помещения меблированные и без мебели».

Удаленность от пыльного и душного города служила одновременно и достоинством, и недостатком этого замечательного места. Неудобно было, прежде всего, «дачным мужьям», вынужденным каждое утро с дачи отправляться на службу в Петербург. Недаром в «Петербургском листке» за 1909 год в обзоре дачных мест под Петербургом можно встретить такую характеристику Елизаветино: «Живописнейший, тихий уголок, по два раза в день делать по железной дороге по 60 с лишним верст, – благодарю покорно!».

Что же касается «дачного мужа», то в журнале «Поселок», посвященном «вопросам общественно-экономической жизни поселков и пригородов Петербурга», в те же годы появились такие строки, посвященные этому любопытному типажу:

Спешу я вечером на дачу,
Измучен, как рабочий вол,
И утомлен, едва не плачу,
Кляня семейный произвол.
Несу материю супруге
(Увесист сверток, просто страх!),

В починку отданный на днях
Тащу турнюр ее упругий,
Несу румян для дочерей;
Тащу коко-сынишке змей
И клетку с парой снегирей
Подарок Анны Алексевны…

Впрочем, дело-то было не только в «семейном произволе». Что поделать – в те времена вопрос непомерной величины квартирной платы точно так же, как и сегодня, был весьма болезненным для многих петербуржцев. В результате подобной дороговизны немало семей отказывалось на лето от городской квартиры, за аренду которой надо было платить, и всем хозяйством переезжало на дачу. А потом, осенью, занималось поиском уже новой квартиры – до будущего дачного сезона…

Поселок Елизаветино образовался рядом с построенной в 1870 году железнодорожной станцией. А название Елизаветино появилось благодаря пожеланиям владелицы близлежащей усадьбы Елизаветы Эсперовны Трубецкой.

Как отмечают исследователи, местность эта древняя, первое упоминание о ней встречается еще в 1499 году, в писцовой книге Водской пятины как «погост Егорьевский Вздылицкий», входящий в Копорский уезд. «Егорьевский» происходило от названия церкви в честь Георгия Победоносца, а «Вздылицы» – от старорусских слов «вздыть», «вздынуть» («поднимать», «приподнимать»).

В петровские времена деревня Вздылицы стала владением Г.И. Волконского, который возвел тут деревянную усадьбу. В те же времена название деревни переиначили в более благозвучное – Дылицы. От Волконского имение переходит к Елизавете Петровне – в ту пору еще не императрице. При ней тут появился «походный» дворец и парк. Затем, в середине XVIII века, имение приобрела будущая Екатерина II. Став императрицей, она подарила эти земли Василию Шкурину в качестве награды за помощь в ее возведении на престол.

Василий Шкурин был камердинером Екатерины и отличался истовой преданностью государыне. В 1762 году его пожаловали в обер-камердинеры, а 1 июля того же года, спустя два дня после переворота, произвели в бригадиры и сделали гардеробмейстером императрицы. Шкурину с женой пожаловали тысячу душ «для незабвенной памяти нашего к нему благоволения». Именно тогда ему и подарили имение Дылицы…

При Шкурине в имении возвели много хозяйственных построек – амбар, скотный двор, каменную ригу. С севера от усадьбы выстроили мельницу – это место получило название «мельничной горы». Последний владелец из рода Шкуриных, генерал-майор Г. Шкурин, продал имение в конце 1840-х годов помещице Волковой, которая, в свою очередь, в 1852 году продала имение князю П.Н. Трубецкому. Князь оформил имение на имя своей юной жены Елизаветы, урожденной Белосельской-Белозерской.

Уже после смерти князя Трубецкого мимо имения проложили железную дорогу, и Елизавета Эсперовна Трубецкая пожелала назвать станцию, построенную в версте от дылицкой усадьбы, «Елизаветино». Не в честь себя – в память Елизаветы Петровны. Дабы лишний раз подчеркнуть тот факт, что она, как хозяйка усадьбы, является наследницей высочайших особ, владевших Дылицами прежде. После смерти Елизаветы Трубецкой в 1907 году имение отошло дальним родственникам Охотниковым (миллионер В.П. Охотников приходился Елизавете Трубецкой зятем).

К началу XX века станция Елизаветино стала весьма оживленным и популярным местом. Здесь находилась почтово-телеграфная контора, торговые дома, в одном из которых, под названием «Капернаум», действовали постоялый двор, пивная и трактир. Любопытную

картину елизаветинской жизни автору этих строк довелось встретить на страницах газеты «Петербургский листок» за июль 1897 года.

«Как дачная местность Елизаветино еще только рождается, – говорилось в публикации. – Дачников тут сравнительно немного, но местность довольно недурная: с лесом и тихая. Правда, тишина характеризует отсутствие развлечений, что порождает скуку.

Селятся в Елизавете преимущественно педагоги, так как им нет необходимости ежедневно ездить в город на службу. Селятся здесь также и семейства военных, вследствие дороговизны дач в Красном Селе, а от него сюда всего верст 25, так что главы семейств могут часто навещать свои семьи. Вокзал на станции Елизаветино маленький, но очень чистенький и изящный, а зал первого и второго классов прямо уютный».

Одна лишь беда в Елизаветино, как подмечал автор «Петербургского листка»: бессовестные торговцы, пользуясь отсутствием конкуренции, берут за товар сколько им вздумается. Ну их тоже можно понять: прибыль-то делать надо, а дачников еще мало!

С устройством станции Елизаветино начали возникать дачи и в селе Дылицы. Поначалу отдых стоил недорого: к примеру, прекрасная бревенчатая дача, в четыре больших светлых комнаты, с мезонином и садом стоила всего 40 рублей за лето.

И снова – о грустном! «Лавок с необходимыми съестными припасами нет ни одной, но зато портерных – четыре. Также полное отсутствие хорошей воды: в селе есть только одна вода – соленая. Для варки кушанья она еще сносна, но для питья в чистом виде почти непригодна (может быть, поэтому-то здесь так много портерных?). Пить чай, заваренный на этой воде, тоже нужна привычка.

Питейного дома в селе нет, он стоит только у железнодорожной станции. Поэтому в праздник можно наблюдать оригинальное явление: крестьяне длинной пестрой вереницей тянутся из села перед открытием заведения (в 12 часов), чтобы выпить перед обедом, и затем отправляются уже обратно в деревню обедать. Нужно особенно любить выпить перед обедом, чтобы ради этого прогуляться за две-три версты!».

Окрестности Елизаветино были столь прекрасны, что вдохновили поэта Игоря Северянина, бывавшего здесь, на проникновенные строки. Посетив Дылицы в 1911 году, он написал тут стихи «В осенокошенном июле», «Когда ночерело», «Мельница и барышня». Вот как звучали строки первого из них:

Июль блестяще осенокошен.
Ах, он уходит! держи! держи!
Лежу на шелке зеленом пашен,
Вокруг – блондинки, косички ржи.
О, небо, небо! твой путь воздушен!
О, поле, поле! ты – грезы верфь!
Я онебесен! Я онездешен!
И Бог мне равен, и равен червь!

А вот строки из стихов «Мельница и барышня»:

Постарела труженица-мельница
На горе стоит, как богодельница;
Под горою барышня-бездельница
Целый день заводит граммофон
На балконе дачи; скучно барышне…

Среди елизаветинских и дылицких дачников в разные времена было немало выдающихся людей. К примеру, здесь снимал дачу брат П.И. Чайковского М.И. Чайковский. Он был известен как драматург, оперный либреттист, переводчик, театральный критик. Часто посещал Дылицы граф А.А. Игнатьев, женатый на одной из представительниц семьи Охотниковых. «Мечта создать свою собственную семью привела к женитьбе на очень милой петербургской барышне высшего света Елене Владимировне Охотниковой», – рассказывал А.А. Игнатьев в своем знаменитой книге «Пятьдесят лет в строю»…

Все это было еще до революции. А уже в гораздо более поздние времена, послевоенные, в течение нескольких летних сезонов на даче в деревне Новые Холоповицы, расположенной в двух километрах от поселка Елизаветино и рядом с бывшей усадьбой Дылицы, жил вместе с семьей Д.С. Лихачев. Тут он плодотворно работал над главой о литературе XI–XIII веков, которую в 1950 году он написал как стихотворение в прозе для коллективного научного труда «История культуры Древней Руси».

По воспоминаниям самого Лихачева, работа была непростой: «На даче в Елизаветине я переписывал текст не менее десяти раз от руки. Правил и переписывал, правил и переписывал, а когда уже все казалось хорошо, я все же снова садился переписывать, и в процессе переписки рождались те, или иные улучшения. Я читал текст вслух и про себя, отрывками и целиком, проверял кусками и логичность изложения в целом…».

«Взгляни на Юкки и живи!»

В Петербургской губернии немало удивительных по своей красоте мест, которые с давних пор конкурировали друг с другом за право носить неофициальный, но очень почетный титул петербургской, северной, или русской Швейцарии. В этом ряду стояли Токсово, Дудергоф, а также деревня Юкки к северу от Петербурга.

«Местность живописна, изобилует холмами и долинами», – сообщалось о Юкках в «Путеводителе по дачным окрестностям Петербурга» на 1903 год. В ту пору бóльшую часть населения Юкков составляли ингерманландские финны (их нередко именовали «чухнами», или «чухонцами», – без всякого дурного оттенка), которые занимались здесь земледелием, продажей в городе молочных и других продуктов. В летнее время они зарабатывали на жизнь извозчичьим и дачным промыслом, поскольку эти места пользовались большой популярностью у петербуржцев.

«В Юкках открыт в нынешнем году трактир под названием ресторана „Русская Швейцария“, куда и спешат обратить свои стопы приезжающие сюда туристы, – замечал обозреватель „Петербургской газеты“ в июле 1886 года. – Увы! Будучи в большинстве дачниками, они с первого же раза оказываются неудачниками! Грязненький трактирщик взимает с них такую контрибуцию, какую и в хорошем столичном ресторане не взимают! Так, за яичницу из десятка яиц здесь берут 90 копеек, а два куса сухой ветчины – 40 копеек и т. д. Вот вам и прелести „Русской Швейцарии“! Хоть бы природа, что ли, смягчительно подействовала на расходившийся аппетит „русско-швейцарского“ трактирщика».

В 1911 году в Юкках по проекту архитектора А. Брандта построили деревянную лютеранскую кирху. «Недалеко от нее в сторону Токоловского озера в начале XX века стоял ресторан „Каприз“, а по холмам, окружающим озеро, мелькали красивые дачки, владельцами которых были, в основном, немцы и шведы», – отмечает известный историк-краевед Елена Александрова в своей книге «Северные окрестности Петербурга».

«Живописнейшее место со знаменитой виллой-гостиницей „Каприз“, – говорилось о Юкках в 1909 году в обзоре дачных мест под Петербургом. – Вместо „Взгляни на Неаполь и умри!“ можно сказать: „Взгляни на Юкки и живи!“».

Открытки начала XX века запечатлели внешний облик ресторана «Каприз», ледяной горки, а также дач фон Геге и Александра Однера. Как сообщает Елена Александрова, Александр Однер был сыном шведского инженера и промышленника Вильгольда Однера, работавшего на заводе Нобеля в Петербурге.

При поддержке Людвига Нобеля Вильгольд Однер занялся конструкторской работой с целью наладить массовое производство простой и дешевой механической счетной машины. В 1880 году он купил небольшую мастерскую, где изготовил турникет со счетчиком для парка аттракционов и причалов пассажирских катеров, курсировавших по Неве. Еще спустя шесть лет ему удалось наладить массовое производство счетных машин. Поскольку они пользовались большим спросом, в 1894 году построили завод с литейным цехом. На нем, кроме счетных машин, производились машины для выпуска банкнот, граммофонные аппараты и т. д.

После смерти Вильгольда Однера в 1905 году производство перешло к его сыну Александру (владельцу дачи в Юкках) и зятю Карлу Сиверту. В 1912 году они организовали акционерное общество. До 1917 года они изготовили около 30 тысяч арифмометров, бóльшая часть которых была продана в России, а также экспортировалась в Швецию и другие европейские страны.

Среди позабытых страниц юкковской истории – швейцарская. Мало кому сегодня известно, что именно в Юкках швейцарцы, жившие в Петербурге, каждый год отмечали свой национальный праздник – день независимости Швейцарии, известный также как День конфедерации. Это едва ли не самый старинный из отмечаемых в настоящее время в мире дней независимости. Его установили в память события, которое произошло 1 августа 1291 года, когда три лесных кантона – Унтервальден, Ури и Швиц – объявили о вечном альянсе и союзе.

Официальным праздником Швейцарии 1 августа стало лишь в 70-х годах XIX века. Это одно из самых громких и красочных событий страны, празднование его проходит по всей стране с многочисленными представлениями и яркими фейерверками. Непременный атрибутом праздника служит традиция зажигать костры на вершинах гор. Она уходит в глубокое средневековье, когда вдоль границ сооружалась цепь сторожевых холмов, на вершинах которых при приближении неприятеля зажигались сигнальные костры.

Согласно легенде, эти костры, горевшие на горах между Женевским и Бильским озерами, отпугнули «варваров», пробиравшихся на эту территорию. Увидев блики на мерцающей поверхности воды, они подумали, что оказались на краю земли и что дальше дорога идет прямо в небеса…

«Живописная местность Юкков с ее горами, пригорками, ручейками и озерами избирается петербургскими швейцарцами потому, что она несколько напоминает им родину», – отмечал современник. Подробности одного из швейцарских праздников в Юкках удалось разыскать на страницах «Петербургской газеты» за 1886 год.

В празднике приняло участие около двухсот швейцарцев, проживавших в столице. Рано утром они выехали из Петербурга на поезде с Финляндского вокзала и добрались до станции Левашово. Здесь они пересели в уже ожидавшие их шарабаны и брички и отправились в Юкки, где гостей приветствовал вице-консул Швейцарской республики Конрад Шинц. Военный оркестр играл марш.

«Недавно выстроенная в Юкках гостиница Петрова изукрашена была разноцветными флагами и щитами, – сообщал репортер «Петербургской газеты». – На двух высоких местах водружены были – на одном громадный русский флаг, на другом – такой же величины швейцарский флаг, красный с белым крестом посредине».

В программе швейцарского праздника особую роль занимало состязание в стрельбе. Как известно, швейцарцы всегда славились как меткие стрелки, а народный герой Вильгельм Телль считался искуснейшим стрелком. И до сих пор соревнование по стрельбе – одна

из любимых швейцарских традиций. Почти все население, не исключая слабой половины, состоит в разнообразных стрелковых клубах и объединениях.

Вдоволь стреляли швейцарцы и в Юкках – они состязались в стрельбе в цель из ружей «Монтекристо». Затем состоялись скачки на лошадях через барьеры. «И стрельба, и скачки вышли вполне удачными, – говорилось в газетном репортаже. – В той и другой команде оказалось много удальцов».

Для детей, приехавших на праздник вместе с родителями, устроили всевозможные игры. Каждому ребенку надели сумку через плечо, дали в руки по игрушечному самострелу, на головы надели бумажные треуголки. По звуки оркестра отряд юных швейцарцев, под предводительством Конрада Шинца, прошел маршем перед взрослыми.

Около четырех часов пополудни на открытой поляне был устроен общий обед, во время которого вице-консул Швейцарии провозгласил тост за здоровье российского государя императора (напомним, тогда царствовал Александр III), всего императорского дома и за процветание Российской империи, столь гостеприимно относящейся к проживающим в ней швейцарским подданным. Тосты были встречены восторженными криками «ура!».

Празднество в Юкках затянулось до поздней ночи и окончилось красочным фейерверком. С последним поездом, в двенадцать часов ночи, швейцарская колония отправилась обратно в Петербург…

Староладожские заботы князя Шаховского

Старая Ладога – удивительное место нашей земли. С давних пор витала в умах идея ее сакральности, недаром стольких великих деятелей искусства привлекали эти удивительные места.

«Вместе с чувством уважения вас наполняет какой-то удивительный покой, – писал художник Н.К. Рерих, побывавший на берегах Волхова в 1899 году, – будто смотрите куда-то далеко, без первого плана. Именно чувство родной старины наполняет Вас при взгляде на Старую Ладогу».

Любопытно, что еще век назад появилась мысль о создании в Старой Ладоге музея. Немалая роль в продвижении этой идеи принадлежала Староладожскому кредитному товариществу, учрежденному 21 мая 1906 года. Незадолго до празднования в 1913 году трехсотлетия царствования династии Романовых товарищество наметило ряд культурных начинаний. Среди них – открытие театра, музея и библиотеки-читальни. Грянувшая в 1914 году Первая мировая война не позволила осуществить все намеченные проекты, однако кое-что реализовать все-таки удалось.

Поясним для начала, что такое кредитные товарищества. Они были введены Положением об учреждениях мелкого кредита, принятым 1 (13) июня 1895 года, в дополнение к существовавшим ссудо-сберегательным товариществам, и отличались от них отсутствием паевых взносов. Это создавало условия для более широкого доступа к мелкому кредиту малообеспеченных слоев населения – в первую очередь, крестьян. Источниками средств для открытия кредитных товариществ могли служить кредиты Государственного банка, выдаваемые под ручательство участников товарищества на срок до 12 месяцев, пожертвования земских, общественных, частных учреждений и лиц.

Попечителем Староладожского кредитного товарищества стал тайный советник князь Н.И. Шаховской, председателем Совета товарищества избрали местного священника Г.К. Добровольского, а в состав членов Совета входил потомственный почетный гражданин И.С. Смоленков.

Несколько слов о князе Николае Ивановиче Шаховском (1851–1937) – чиновнике государственного контроля. Он был одним из местных землевладельцев – его имение находилось

неподалеку от Старой Ладоги, на живописном правом берегу реки Волхов. Приобретено оно, по всей видимости, в начале 1880-х годов у обедневшей княгини Измайловой – тещи художника-передвижника академика В.М. Максимова, родившегося в крестьянской семье в деревне Лопино, что всего в двух километрах выше по течению Волхова. Сын Николая Ивановича Шаховского, Всеволод Николаевич, был последним министром торговли и промышленности царской России – он занимал этот пост с 1915 года.

В район Староладожского кредитного товарищества входило 120 селений тогдашнего Новоладожского уезда. 1 июня 1913 года для обслуживания всего этого района товарищество открыло Староладожскую бесплатную библиотеку-читальню, которую поставили под общее наблюдение местного земского управления.

Заведование библиотекой вверили князю Н.И. Шаховскому, а в состоящий под его председательством комитет библиотеки вошли княгиня Е.К. Шаховская, вдова генерал-майора О.О. Макарова, княжна К.Н. Шаховская, коммерции советник И.С. Смоленков и священник Г.К. Добровольский.

По данным за 1913 год, число пользовавшихся библиотекой доходило до трехсот человек. Правда, к концу следующего года их количество уменьшилось из-за ухода части населения на войну, а также в отхожие промыслы. К концу 1914 года в библиотеке насчитывалось около полутора тысяч книг и журналов – частью купленных, частью пожертвованных. Как указывалось в отчете за 1914 год, «ощущается сильный недостаток в библиотеке детских книг, которые не могли быть приобретены в необходимом количестве из-за недостатка средств».

Средствами для содержания библиотеки стали субсидии от земства, «воспособление» кредитного товарищества, пожертвования и доход от продажи книг, икон, царских портретов и т. д. По отчетным данным, денежные поступления 1914 года составили чуть больше тысячи рублей. Из них по 150 рублей предоставили Петербургское губернское земство и Новоладожское уездное земство. Частные пожертвования составили 71 рубль 64 копейки, а от продажи книг, картин и царских портретов было выручено 284 рубля 33 копейки. Не менее интересно, как распределялись расходы в том же году. Около ста рублей ушло на приобретение книг и журналов, почти в пять раз больше денег – на закупку атрибутики, связанной с царской фамилией (икон, книг, портретов). Вознаграждение библиотекаря составило 235 рублей. Всего расход за 1914 год составил 889 рублей 77 копеек, причем в эту сумму не вошли стоимость найма помещения, его отопления и освещения – все это оплачивало кредитное товарищество.

В то же время товарищество сетовало: расходы его настолько велики, что помогать библиотеке оно уже просто не в силах. Как указывалось в отчете библиотеки за 1914 год, подписанном князем Н.И. Шаховским и библиотекарем К. Лури, кредитное товарищество, решаясь участвовать в содержании читальни в сумме 300 рублей каждый год, «не в состоянии идти на дальнейшие жертвы на этот предмет». Это обстоятельство и крайняя необходимость существования в Старой Ладоге библиотеки «для правильного развития народа и обогащения его полезными знаниями» послужили основанием просьбы Петроградскому кредитному товариществу принять участие в судьбе Староладожской библиотеки.

Впрочем, несмотря на все трудности, библиотека продолжила работу. Существует она и по сей день. Как сообщает электронная энциклопедия «Культура Ленинградской области», нынешняя Староладожская сельская библиотека (с. Старая Ладога, Советская ул., 1) является преемницей той самой библиотеки-читальни, что была открыта в 1913 году по ходатайству Староладожского кредитного товарищества. При библиотеке уже более десяти лет существует клуб для школьников «Юный краевед». В 2003 году на областном книжно-историческом форуме библиотечных работников «Древняя Русь и современная Россия» библио-

тека получила первое место за программу краеведческого исследования «История малых деревень»…

Одновременно с библиотекой Староладожское кредитное товарищество учредило местный комитет Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества, созданного в 1913 году по инициативе Николая II с целью уменьшения детской смертности в Российской империи и действовавшего под покровительством императрицы Александры Федоровны. Царь выделил на устройство попечительства капитал в сумме более миллиона рублей, пожертвованный ему Петербургскими и Московскими частными коммерческими банками в ознаменование трехсотлетия царствования Дома Романовых.

К 1917 году в составе попечительства работало несколько десятков комитетов, среди которых был и Староладожский, действовавший в районе Староладожского кредитного товарищества. Председателем Комитета стал уже знакомый нам князь Н.И. Шаховской, а среди его членов были священник Г.К. Добровольский, В.А. фон Моллер, И.С. и Ю.В. Смоленковы, а также княжны Ксения Николаевна и Елена Николаевна Шаховские.

Комитет обязывался «всемерно заботиться о поддержании существования, расширении в пределах необходимости и об окончательном устройстве находящегося в Старой Ладоге родильного приюта, устраивает приюты-ясли, молочные кухни для детей, детские лечебницы и т. п. организации». Когда началась Первая мировая война, комитет подкорректировал свои задачи и обязался «обращать внимание на оказание посильной помощи малолетним детям и их матерям из тех семей, кормильцы которых призваны на войну».

Надо отметить, что тогда же, в 1913 году, кредитное товарищество на свои средства организовало в Старой Ладоге родильный приют – с амбулаторией, прачечной и баней. Целью было заявлено «оказание медицинской помощи при родам всем без изъятия роженицам, живущим постоянно или временно в Старой Ладоге и селениях, входящих в район означенного товарищества». Оборудование приюта, рассчитанного на пять кроватей, проводилось на деньги почетного члена товарищества, коммерции советника И.С. Смоленкова.

В 1914 году совет Всероссийского попечительства выдал Староладожскому комитету субсидию в размере пяти тысяч рублей на расширение родильного приюта. На эти деньги возможности приюта увеличили – с пяти до десяти кроватей, построили ледник с погребом, кладовую, дом для служащих в приюте, помещение «капли молока», изоляционный покой и амбулатории для больных женщин и детей.

Кроме того, на деньги попечительства, а также частные пожертвования, производилась адресная помощь. Получили пособия 96 беднейших семей воинов с малолетними детьми. Выделялись средства на покупку теплой одежды и обуви беднейшим ученикам народных школ, чьи отцы ушли на войну. Деньги расходовались также на материалы для теплой одежды, которую сшили воспитанницы Староладожской женской школы и отправили в действующую армию.

В отчетах Комитета за 1914 год указываются и другие формы адресной помощи: «На прокормление бесприютной 6-летней девочки-сироты, а затем на доставку ее в Новоладожский детский приют, куда она принята по ходатайству Комитета», «На пособие бедной крестьянке для отвоза ее малолетней дочери в Петербург для производства операции».

В то же время председатель Комитета князь Н.И. Шаховской сетовал, что в настоящее время весь Староладожский край в медицинском отношении обслуживается всего одним отставным военным ротным фельдшером, что, конечно, крайне недостаточно. Необходим доктор: и для родильного приюта, и для амбулаторного лечения больных. Кроме того, на всем громадном пространстве тогдашнего Новоладожского уезда в то время не было ни одного лечебного заведения для детей дошкольного возраста…

Вскоре грянула революция… Кредитные товарищества ликвидировали в первые годы советской власти – их объединили с потребительскими обществами. Не стало и Всерос-

сийского попечительства об охране материнства и младенчества: оно просуществовало до начала 1918 года, когда его упразднил декрет Народного комиссариата государственного призрения РСФСР. Все дела, отчетность, имущество и остатки денежных сумм передавались Отделу комиссариата по охране материнства и младенчества.

Что же касается князя Николая Ивановича Шаховского, то он и его сын Всеволод Николаевич в 1919 году навсегда покинули Россию и эмигрировали во Францию. Имение Шаховских близ Старой Ладоги долгое время пустовало и подвергалось разграблению, пока в 1926 году здесь не организовали один из первых в Волховском районе совхозов – «Сельцо Горка». Он стал образцово-опытным хозяйством в Ленинградской области.

В конце лета 1944 года бывшее имение Шаховских получило в бессрочную аренду Ленинградское отделение Союза художников РСФСР. Здесь организовали творческую дачу, просуществовавшую до конца 1980-х годов. В летнее время тут располагался пионерский лагерь «Художник».

Дача пользовалась особой популярностью у ленинградских художников. Их привлекали и очаровывали неповторимые красоты Старой Ладоги, гладь Волхова, просторы Ладожского озера. Именно поэтому с конца 1940-х годов на ленинградских вернисажах всегда выставлялись работы, посвященные древностям старой Ладоги…

«Положительно дивный уголок»

«Многие из петербуржцев даже не подозревают о существовании в окрестностях столицы тех самых красивых видов, за которыми обыкновенно бегут в чужие края, – совершенно справедливо замечал в июле 1897 года репортер «Петербургского листка» (кстати, это замечание не устарело и в наши дни). – Во главе выдающихся красивых мест наших окрестностей должно быть поставлено Токсово. Это положительно дивный уголок, способный привести в восхищение самого черствого человека».

Еще Александр I назвал живописные токсовские холмы «петербургской», или «русской», Швейцарией. Он очень любил эти места и часто приезжал сюда на охоту вместе с друзьями и приближенными, благо бабушка его государыня Екатерина II подарила своему внуку, в бытность его еще наследником, царский охотничий домик, стоявший поблизости от деревушки Сярги. На протяжении двух веков Токсово, по мнению краеведов, являлось «самым ингерманландским» поселением среди всех петербургских пригородов. А после того, как ингерманландцы в 1930–1940-х годах стали жертвой сталинских репрессий и лишились исторической родины, все, что было связано с ними, вычеркнули из истории.

Токсово – это место, овеянное множеством легенд как петербургского периода истории, так и давних допетровских времен. К примеру, название Понтусовой горы в Токсово напоминает о древних временах XVI века, когда в войну 1581 года из Выборга к крепости Орешек двигалось шведское войско во главе с Понтусом Делагарди. Согласно легенде, по пути оно разбило лагерь на вершине именно этой горы – поэтому ее и стали звать Понтусовой.

Вид с башни токсовской лютеранской кирхи. Фото 1930-х годов

Во времена владычества Швеции в окрестностях Токсово охотились офицеры из близлежащих шведских крепостей – Нотебурга и Ниеншанца, а также путешественники и местные негоцианты. У подножия Понтусовой горы стояло тогда охотничье поместье, принадлежавшее шведской королевской фамилии. Доподлинно неизвестно, бывал ли в Токсово Петр I, но существует легенда, что он собственноручно высек свой вензель на гранитном валуне на склоне Чайной горы. С тех пор тот валун зовут «камнем Петра Великого», или «Pietari Suuren Kivi». Не менее загадочна и легенда Крестовой горы: в XIX веке на ее вершине стоял крест, воздвигнутый на месте случившейся тут когда-то трагической дуэли петербургских офицеров…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.